

ВЕРОНИКА ТОРБАЧЕВА

ИНАЯ СУДЬБА

КНИГА II

16+

Вероника Горбачева
Иная судьба. Книга 2

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Горбачева В. В.

Иная судьба. Книга 2 / В. В. Горбачева — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Обычный роман соединением влюблённых заканчивается. У герцога и простой деревенской девушки всё только начинается. Любить – мало, нужно ещё отстоять своё право на любовь. Слишком важная политическая фигура – его светлость герцог Эстрейский, поэтому сам король считает необходимым вмешаться в его дела и довольно-таки жёстко поставить вопрос ребром: достойно ли его ближайшему другу благороднейшего происхождения – и ввести в Гайярд простолюдинку? Недоволен и Ватикан. Потирает руки в предвкушении посол враждебной страны, и строит козни Некрополис... Над ничего не подозревающей счастливой парой собираются тучи.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	23
Глава 4	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Пролог

– Итак, продолжш-ш-шим...

Старый дракон блаженно сощурился, словно вбирая янтарными глазами солнечный свет, заливавший поляну. Сам он позволил себе роскошь почти целиком вылезти на солнцепёк, но зорко поглядывал, чтобы его сегодняшние непоседливые гости оставались под защитой густой дубовой кроны. Поэтому хвост... хвост приходилось держать в тени. Конечно, хотелось бы впитывать благодатное тепло всем могучим телом, ведь чем больше вберёшь, тем больше преобразуется для полёта. Но... Гости ему нынче достались непоседливые, удержать их на месте, без риска заполучить к концу дня обгоревшие личики и сдержанные попреки матери, можно было единственным способом: усадив на хвост. Уж очень детёныши любили на нём качаться.

Для полётов они ещё маловаты, но пусть привыкают держаться на скользкой чешуе, а там, глядишь – скоро оседлают спину...

– Готовы?

С удовольствием оглядел серьёзные мордашки.

– Возс-с-можно, дети мои, некоторые эпизс-с-соды моей ис-с-стории покажутс-с-ся чересчур жестокими. Что поделать, такое уж было время. С-с-свой добрый народ приходилось – да и ныне приходитс-с-ся – удерживать в повиновении не только милос-с-сердием, но наипаче – железным кулаком и несгибаемой волей. Ибо нет ничего с-с-страшнее бунта и неуправляемой толпы, озверевш-ш-шей от крови; а потому задача всякого Гос-с-сударя – до этой крайности не доводить и вовремя натягивать вожжи, обходяс-с-сь, коли уж придётся, малыми жертвами и малой кровью.

Чем увлечённой вещал чешуйчатый наставник, тем меньше проскакивало в его речи шипящих звуков.

– Изс-с-слишняя же снисходительность правителей, принимаемая главарями бунтовщиков за с-с-слабость, несколько раз на моей памяти приводила Галлию к самому краю пропасти, именуемой «Хаос и Безвлас-с-стие». Впрочем, сейчас у нас не уроки ис-с-стории. Простите с-с-старика. Вернёмся к рассказу о тех, кого вы так хорошо знаете и любите.

Да, такое было время... Время пос-с-следних, как тогда считалось, магов и последних драконов. Время бесславного поражения Некрополиса, о котором сейчас мало кто помнит, а больш-ш-ше знают как Город Солнца...

– О, это там правит дядя Самаэль? – возбуждённо подпрыгнул на месте черноглазый мальчик лет пяти. – Он всё зовёт нас в гости, а мама нас не пускает! Почему?

– Потому, сто через порталы детям есё нельс-с-ся путешествовать, – одёрнула его сестрёнка-близняшка, обнаруживая при разговоре изрядную шербинку от выпавших передних зубов. – Зс-с-сабыл?

– Эх! – по-взрослому крякнул мальчик

Нахмурился. Добавил серьёзно:

– Ничего. Я подожду. Будущий правитель должен быть терпелив, а растём мы быстро. Правда?

– Молодец, – одобрительно кивнул дракон. – И ты молодец, мудрая малыш-ш-шка, вся в с-с-свою матушку... Однако, не отвлекаемс-с-ся.

Итак, это было время последних магических войн и первых крестовых походов. Некоторым ос-с-собо тщеславным державам уже становилось тес-с-сно в собственных границах, как обжоре – во внезапно ужавшихся камзолах, но, на счастье, отдушиной для амбиций и жажды наживы стали первые морские пути в Новый С-с-свет. Да-а, вовремя, господин Христофор, вовремя вы обратились к королю Филиппу, отчаявшись найти помощь у Изабеллы и Ферди-

нандос-с-са Арагонских... Впрочем, и Бриттская империя не осталась в стороне, она ус-с-спела присоединить свои каравеллы к экспедиции Колумбуса, а потому на полных правах участвовала в первом переделе мира. Отхватив изрядный кус-с-с заокеанских земель, она с вожделем потянулась к с-с-соседским. А в самом сердце прекрасной Галлии обнаружила для себя нечто, что позволяло найти выход в миры иные, о которых не раз поведывал мне один мой хороший друг. Но...

– Ох! – вырвалось у малышки. – С-с-старый портал, да, дедуска?

– Угадала, детёныш-ш-ш, но всё жш-ш-ше не перебивай. Да, главная ценнос-с-сть Древних Врат – не прос-с-сто мгновенные переносы на много лье, но их возможности открыть пути в иные миры. Там, в этих мирах, вс-с-сё почти как у нас – да не всё. Там могут жить и пожш-ш-шивать, но никогда не вс-с-стретиться, такие же Марта и Жильберт, может процветать Некрополис-с-с, а о Новом С-с-свете вообще не будет известно, или его откроют лет через двес-с-сти. Может отс-с-сутствовать магия, о драконах и левиафанах упоминаться только в легендах, некромантов и менталис-с-стов не зс-с-снять вообще, но тамошние жители не будут чувствовать себя обделёнными, ибо тот, кто никогда не зс-с-снул лучшего, не сознаёт ущербности своего существования. Интерес-с-сно? Так и быть, расскажу и об этом, только поз-с-с-сже.

– А почему ты назвал Бриттанию жадной державой? – вновь не сдержался мальчик. – Папа говорит, что она в последнее время попритихла и прячет голову под панцирь, как черепа... паха. Это почему?

– Блитания – холос-с-сая стлана, – вмешалась девочка. – Мы там были, знаес? Там живёт бабуска, и тётя Доли с Саблиной, и класивая лызая кололева Бесс... Там туманы, зелёные холмы, феи и фейли, вот они – жадные и вледные, фейли-то.

– Хммм... Эдак мы не с-с-сдвинемся с места, если вы начнёте без конца меня перебивать. Может, всё-таки, угомонитесь и начнёте внимать старому деду? Предлагаю такой порядок: с-с-сперва говорю я. Зс-с-сатем вы с-с-спрашиваете. И... Я вс-с-сё чувс-с-ствую, прекратите, наконец, дёргать чешуйки из моего хвос-с-ста! Это малютка Полин вас-с-с подговорила? Ей опять не хватает сырья на эликс-с-сиры? Вот что, детёныш-ш-ши, как нарастут у вас свои чешуйки – рас-с-споржайтесь ими, как хотите, а меня не трогайте. Слуш-ш-шайте жш-ш-ше, неугомонные непоседливые дети, слуш-ш-шайте о делах не таких уж-ш-ш-ш давниш-ш-шних дней и не такой уж глубокой с-с-старины...

Глава 1

Как уже упоминалось, комендант городской тюрьмы Александр Карр не любил присутствовать на допросах и пытках, особенно если объектом воздействия была женщина. И по возможности всячески старался оные процедуры облегчить, ежели видел, что вина испытуемой – в собственной глупости. Свой ум не пришьёшь. Но чего только не творят Евины дочери из-за жадности, ревности или зависти! Справедливости ради стоило отметить, что и Адамовы отпрыски попадались на схожих грешках, и не раз, но к мужчинам господин Карр особого снисхождения не проявлял. Был твёрд и хладнокровен. Ибо женщина от природы слаба, что с неё возьмёшь, Змей-то знал, кого искушать; а вот Адам... С точки зрения коменданта, первый муж согрешил не тем, что принял запретный плод от женщины, а тем, что потом её же, любимую, выдал. «Жена, которую ты дал мне, дала мне плод, и я ел...»

Выражаясь нынешним языком, праотец наш струсил, переложив ответственность с себя на всемогущего Творца и слабую женщину. То есть, изначально поступил не по-мужски.

Вот потомки до сих пор и отвечают за его бесхребетность. Во всяком случае, те, что унаследовали худшие черты. Хотя встречались среди мужеского рода представители, которых мэтр Карр заслуженно считал образцами для подражания и всегда при особо неприятных моментах работы прикидывал в уме: а как бы поступили *они* в данной ситуации?

– ...А я вам говорю, прежняя была настоящей, а эта – самозванка!

В иное время приятный, но сейчас подпорченный истеричными нотами женский голос буравчиком ввинтился в мозг коменданта, отвлекая от высоких размышлений. Александр Карр поморщился. Молода ты ещё, голубушка, истерики тут закатывать. Да и чином не вышла. Не таких обламывали. Что, думаешь, твой звёздный час настал? Не просто так полдня у ворот тюрьмы под дождём проторчала, ждала моего приезда, в ноги бухнулась, не успел из кареты выйти. Думаешь, ничего про тебя не знаю? Всё знаю. И как на исповеди хулу на госпожу герцогиню возводила – должно, так и надеялась, что святой отец монсеньору архиепископу слово в слово перескажет, а тот немедля вызовет Инквизицию. Только святые отцы у нас не промах, и тайну исповеди не нарушат, и намекнут кому надо на того, кто с непочтительностью относится к высочайшим особам... И как к Главному Судье пыталась пробраться – тоже ведаю, да только ниже писарчуков ты не прошла, потому как ни прошения толком составить не можешь, ни словами объяснить, только желчью брызжешь. Теперь вот ко мне явилась, поскольку поставлен я здесь доброхотов выслушивать и просеивать, аки невод: кому давать волю с доносами, а кого прочь гнать. Ну-ну, посмотрим...

– А я вам говорю... – Флора задохнулась. И начала частить: – У этой, новой, даже уши не проколоты, а моя госпожа всегда в серьгах ходила, вот что! Эта, новая, со слугами всё тиль-тиль-тиль, да «голубушка», да «голубчик», а моя-то госпожа чёрной костью брезговала, через меня только и общалась, ведь настоящий мой батюшка не из простых был...

Комендант вновь поморщился. Себя он «чёрной костью» не считал, но очень хорошо помнил, как смотрела *сквозь* него, словно не видя, прошлая госпожа Анна, когда ему приходилось по некоторым делам встречаться с его светлостью лично, в Гайярде. Герцогиня в упор не замечала не только слуг, но и всех, кого считала ниже по положению; разве что человек мог оказаться нужен, и тогда она до него *снисходила*.

Эта же, новая...

У коменданта потеплело на сердце, едва он вспомнил восторженный шёпот племянника: «Дяденька Александр, а я вот думаю, что она всё-таки фея! Я ведь простой мальчик, а она ко мне... как матушка, по-доброму. И про сестрицу всё выпытала, хорошо ли ей в монастыре, и нянечку обещала подыскать, чтобы мы Жаннеточку домой забрали. Я ведь сначала не пони-

мал, что тебе с нами трудно, обиделся, когда ты сестрёнку в приют отдал, а мне её светлость сразу всё объяснила. Правда, она ангел, да? Дядя Александр, а у неё детки есть? Вот я вырасту большой, стану рыцарем или маршалом и посватаюсь к её дочке»...

И ещё вспомнил комендант умирающую в чужих муках, корчащуюся на призрачном колу женщину, по воле которой, вернее сказать – по бессердечию – разом на множество семей осиротел небольшой городок Анжу. Не иначе как всесильный ангел-хранитель простёр свой покров и над маленьким Николая, и над его сестрёнкой, и над немногими, успевшими спрятаться да чудом уцелевшими. Жаль, что не до всех дотянулся, но, видать, нужны в раю и мученики. Впрочем, о том не нам судить...

– Правила знаешь, голубушка? – перебил он горничную из Гайярда. Та замолкла и в замешательстве облизнула пересохшие губы. Уставилась на коменданта. – По закону всяк, пришедший с доносом на ближнего своего, получает пятнадцать плетей. Ну, для лиц женского полу – скидка, но десять – это немало, поверь. Наш мастер иногда с одного удара хребет перебивает. Ежели и после плетей доносчик от своих слов не отступится – значит, верит в то, о чём говорит. Тогда уже допрос ведётся под протокол, и каждое слово записывается. А ты барышня деликатная, хоть и прислуга, выдержишь ли? Не похоже, чтобы к порке привычна, балует вас хозяин-то...

Девушка судорожно вздохнула. Как и предполагал господин Карр, упоминание о полагающемся испытании подействовало, как ушат холодной воды. Вон как побелела, даже губы синюшные стали... Тем не менее горничная бывшей герцогини глубоко вздохнула и выпалила:

– Выдержу, господин комендант.

Мэтр Карр пожал плечами. Что ж. Никто не неволит.

Трогательная, однако, преданность. Такая бы – да ради кого достойного направленная... Ни пыточная не утратила, куда сразу приводят таких вот... радетелей за правду, ни звероподобный палач Анри, который порой одним видом заставлял самых словоохотливых бледнеть и отказываться от своих слов. Но упрямая девица уходить не пожелала. Стало быть, сама напросилась.

Правда, когда Анри небрежно рванул на ней платье – запищала и превратилась на какой-то миг в испуганную девчонку. Но, гляди ж ты, переборола и стыд, и страх, дала привязать себя к столбу, оголить до конца спину... Только спину, ибо на предварительном этапе допроса испытуемого целиком не обнажали, потому как – не подозреваем и не осуждён ещё, а пока что честный добропорядочный христианин. За правду хочет постоять.

За два десятка лет совместной службы Александр Карр и Анри Кнутобой изучили друг друга, как облупленные. Комендант прекрасно видел, что палач бьёт не по Уставу – жалеючи, но поправок не вносил: изнеженной девке и того хватит. Дождался десятого вскрика, поморщился.

– Ну? Не передумала? Звать писаря?

Дёрнувшись в попытке вытереть непрошеные слёзы – руки-то были связаны – девица кивнула.

– Зови, – бросил Карр мальчику – помощнику Анри. Заложил руки за спину, прошёлся по пыточной, обдумывая тактику предстоящего допроса. Аккуратнее надо бы...

– ...Итак, девица Флора Паскаль, состоящая в услужении в доме его светлости герцога, и прочая, прочая... – в задумчивости начал он, кивком поприветствовав писаря. Тот торопливо застрочил карандашиком по серой бумаге. – Выдвигает подозрение, что здравствующая ныне госпожа герцогиня Анна д'Эстре таковой не является, а всего лишь самозванка, выдающая себя за супругу герцога... Так?

Писарь побелел и сглотнул. Но бег карандашика не замедлил.

– Да ты говори, голубушка, говори, – подбодрил комендант Флору. – Раз уж начала да за правое дело претерпела – теперь не стесняйся. Или слова кончились?

– А... Ваша милость, что же, меня не развяжут?

– Непременно развяжут. После допроса. А пока так постоишь, дабы помнить, что слово не воробей, и ежели хоть одно вылетит в адрес оскорбления его светлостей – отвечать придётся сразу. Так что говори, милая, да каждое словцо взвешивай, дабы последним не оказалось.

– А вы не пугайте, – дерзко ответила Флора, словно проснулся в ней бес противоречия, который даже после плетей не давал смолчать. – И скажу... Скажу. Я госпожу Анну хоть и не всю жизнь знаю, но с самого Фуа, где меня к ней приставили. Никакая она была не поддельная, а самая что ни на есть настоящая. Я ей единственная по сердцу пришлась из всей нашей сестры, она меня привечала и подарки дарила, и о себе рассказывала. О том, как в Саре своём захолустном жила, в котором скука смертная, и о дяде-бароне, что в ней души не чаял, заместо отца был, и как на всякие охоты с ним да с соседями ездила. Знала бы она это, ежели подставная была? И в дороге её никто не подменял. Я же помню: была у неё на... на седалище, на правой половинке, родинка, красивая такая, словно бабочка, так у неё эта родинка тут, в Эстре, никуда не подевалась, ей-Богу! А у этой, пришедшей сук... м-м-м...

Палач хлопнул её по губам. Мэтр Карр одобрительно покивал.

– Правильно. Ты продолжай, милочка, да не забывайся. Родинка, говоришь?

– Родинка.

– Чёрная?

– Как есть чёрненькая, словно бархата кусок приклеен. А что?

– А то, милая, что подобными родинками святая Инквизиция интересуется, ибо частенько они бывают не игрой природы, а меткой, самим Искусителем наносимой в знак скрепленного с загубленной душой договора... Не знала? Ну, это я так, к слову. А ведь госпожа твоя бывшая к Святой Церкви без особого почтения относилась, так?

– Это вы к чему?

Непонимание на лице горничной сменилось ужасом.

– Вот-вот... Давай, скажи нам, как твоя госпожа вела себя в храме. С почтением и благоговением или же допуская непотребные выходки и приводя в смущение прихожан? Не хочешь? Или не знаешь? А знать должна, ты же при ней неотлучно находилась. Новая же госпожа Анна свой первый выход из дома ознаменовала посещением монастыря мученицы Урсулы, коий взяла под своё высочайшее покровительство и опеку. Хорошо, идём дальше... А что это я сам тебе о вещах, всем известных, рассказываю? Говори, милочка, ты же сюда не просто так пришла, продолжай.

– Да что вы... меня путаете, ваша милость...

Напористости в голосе девушки заметно поубавилось.

– Вот как на духу повторю: не она это! Всё врут, будто она память потеряла! И не только я это знаю: спрашивайте графа Беранжу, её дыхателя!

– Чьего? – вкрадчиво уточнил Карр. – Новой госпожи?

– Моей! – чуть не взвыла Флора. – Той, которой я служила! Граф-то, красавчик, в неё был влюблён без памяти, по пятам ходил, а госпожа над ним сперва издевалась, потом...

Горничная запнулась.

– Допустила, – продолжил за неё комендант. – Что ж стесняться-то, сама говоришь – как на духу... Да и про графчика нам известно. Чай, не слепые.

– То-то, что не слепые! А как стала эта... новая... из кареты вчера выходить, он к ней в ноги так и ринулся...

– Не ври. В ноги не успел. Охрана остановила.

– Ну, хотел ринуться. «Анна, – кричит, – Анна, неужели не узнаёшь?» А она даже ухом не повела, глаза открыла пошире – нет, говорит, впервые вижу. И пошла себе... – Флора проглотила очередное оскорбительное слово. – Уж так он, голубчик, убивался, так убивался, а потом

и выдал: «Не она это. Быть не может, чтобы не узнала после того, что промеж нас было...» Вот что я вам скажу, ваша милость. Мне не верите – его спросите.

Слова лились бурным потоком, словно кто-то вышиб у несчастной из горла затычку, и теперь она никак не могла наговориться. Её несло... Писарь краснел, бледнел, неоднократно менялся в лице, но упорно продолжал царапать что-то в протоколе. Когда комендант глянул ему в записи, писарь побелел ещё больше, но Карр лишь похлопал его по плечу. Пиши, мол, голубчик, и далее.

Красиво излагал служитель пера. Комендант аж восхитился, читаючи.

Что особа, именуемая в прошлом Анной де Фуа де... и прочая, могла быть пособницей самого Дьявола, о чём говорит наличие подозрительных отметин на теле.

Что особа, именуемая Анной де Фуа... и прочая, была осведомлена об образе жизни в Саре, в замке барона де Бирса, о тамошних порядках и обычаях, иначе говоря – хорошо подготовлена к желающим узнать о её прошлом.

Что она особа вела беспутный и безнравственный образ жизни, коему супруг ни в какой мере не потакал, а, напротив, пытался, отвратить от неблагоприятных поступков и вернуть в лоно семьи и Матери-Церкви.

Что нынешняя госпожа герцогиня, от услужения которой девицу Флору отстранили, в чём она и чувствует незаслуженную обиду – эта госпожа есть противоположность бывшей. А главное – отличается поведением и благонравием, свойственным благородной даме, имеет приятные манеры и обхождение, и притом – грамотна, просиживает целыми днями за умными книжками, чего за предшественницей сроду не замечалось.

– Довольно, – прервал комендант откровения девицы. – Повтори-ка, что ты там сказала?

– Да надоела ему до чёртиков жена, вот и решил он её на другую поменять! Не знаю уж, откуда выкопал, такую похожую...

– Хорошо подумала, прежде чем такое ляпнуть? – холодно осведомился мэтр Карр. – Вспомни, о чём предупреждали.

– Я – за правду... – Горничная всхлипнула. Дура. Хоть кол на голове тещи – ничего не поняла.

– За правду, говоришь... И под протоколом подпишешься?

Флора вдруг оробела.

– Неграмотна я, ваша милость. Крест поставлю.

– Ну-ну... Зачитайте ей, что написано, господин писарь.

Он внимательно следил за выражением хорошенького личика и видел в нём лишь растерянность и недопонимание. Всё вроде бы так, всё с её слов... только в чём подвох-то? Но согласилась со всем зачитанным, и когда позволили подойти к столу – крест на бумаге поставила. И писарь оный крест заверил своим размашистым росчерком.

А после этого по знаку коменданта Флоре заломили руки и вновь привязали к столбу. На этот раз спиной.

– Дура девка, дура... – Уже не стесняясь, вслух сказал комендант. – Тебя предупреждали? Предупреждали, и не единожды. Закон об оскорблении его светлости гласит, что никто не смеет возводить хулу ни на господина герцога нашего, ни на его светлейшую супругу, о чём тебе тут внушение сделали не раз. А ты всё за своё. Правду ищешь? Свою правду ты изложила и с ней согласилась. Протокол сей с твоими словами останется у нас, и надо будет – мы ему непременно ход дадим. А вот за оскорбление его светлости и за то, что во лжи его обвиняешь...

Умел господин Карр нагнетать страху, умел. Глаза его, и без того не слишком выразительные, становились в такой момент огромными, прозрачными и абсолютно безжалостными. Закоренелых подонков к месту взглядом приколачивал, не то что хлипкую деву. Горничная задрожала. По скудоумию своему она-то сперва решила, что, раз уж её внимательно слушают, то и сделают всё, как ей хотелось – разоблачат самозванку, с позором выгонят, и, может, вернут

откуда-то прежнюю госпожу, а если нет – то пусть хотя бы *той* достанется, как следует. Но на деле оборачивалось не так.

– Звания ты подлого, хоть и папаша твой был заезжий то ли граф, то ли виконт; да ведь не признал же он тебя... Стало быть, за оскорбление чести его светлости полагается тебе самое малое – петля.

Коленки у Флоры ослабли, и, если бы не путы, она так и сползла бы к подножью пыточного столба.

– Но ведь это же правда... истина...

– А что есть истина? – задал риторический вопрос комендант. Воздел очи к небу, проявляя уважение к цитате из Писания, и продолжил. – Истина в том, голубушка, что вас, дураков и дур, учить надо, а кроме как наглядным примером и наказанием не вразумить. Господин писарь, что у нас там полагается в таких случаях?

– Битьё кнутом на площади и урезание языка, с последующим повешением до смерти, – деловито сообщил писарчук.

– Так-так... Ну, первую часть ты, считай, получила, пойдём далее...

Анри своё дело знал хорошо. Быстро прихватил ремнём голову девицы к столбу, вогнал в рот специальный роторасширитель – не она первая проходила по этой статье, нужные приспособления были наготове. Не обращая внимания на слабые вопли, ухватил клещами язык.

– Весь, что ли, резать?

Комендант глянул на переполненные ужасом и слезами глаза девицы, вздохнул. Ох уж, эти Евины дщери, неразумные, бестолковые...

– Кончик раздвои. Будет с неё.

– Эх! – крикнул палач. То ли не любил размениваться на мелочи, то ли возжелал большего наказания, а разойтись не позволили – но служба есть служба. Перехватил у помощника раскалённые щипцы, быстро щёлкнул – да умело, да ловко, даже губ казнимой не обжёг. Та вскрикнула горлом, замычала, забилась.

– Не бойсь, – хладнокровно успокоил Анри, освобождая рот жертвы от железяк. – Заживёт как на собаке. У меня рука лёгкая – ни заразы, ни нагноения потом.

Дёрнул за узел верёвок и подхватил упавшую в обморок деву.

– Вишь, нежная какая. Слабее своей бывшей-то госпожи, та дольше терпела. Ваша милость, куда теперь её? Неужто и впрямь вешать?

– Пустое. Не так много она здесь наболтала. Отлежится – да пусть идёт на все четыре стороны. А тебе какой интерес? – Мэтр Карр взглянул с любопытством.

– Так ить... на прежнее место ей нельзя, считай – уволена за доносительство. На службу с таким языком-то уже никуда не возьмут, кто змею в своём доме держать захочет?

Палач аккуратно сгрузил обмякшее тело на топчан, где не так давно умирала Анна.

– Оно, конечно, всё правильно, наказать надо было-ть, только жалко девку, в самом соку-то. Пропадёт. Ей теперь одна дорога – в Весёлый дом.

Комендант усмехнулся.

– Думаешь, я не заметил, что ты её вполсилы бил? Для себя решил приберечь?

– Так я ж всё по-честному хочу, ваша милость, по-божески. Вы же знаете, я вдовец. Уж пять лет кукую один. За ката никто не идёт, боятся да брезгают. В Весёлый же дом этот ходить... Тьфу, того и гляди, дурную болезнь подцепишь. А тут – ишь, девка ладная, молодая, в теле; да чем я ей не жених? От неё все теперь, как от чумной, шарахаться станут, а я – честь по чести, пожалуйста венчаться хоть сейчас.

– Так она теперь толком и говорить не может, как ты с ней разговаривать-то будешь?

– А оно мне надо? Промеж супругов что главное? Один говорит, другой молчит. Соглашается, значит. Ничего, я её выхожу, на ум наставлю, поймёт да смирится. Дозвольте, ваша милость, а?

«Заодно и под присмотром будет», – решил комендант. И хоть свидетельства двуязычных ни в одном суде не принимаются, как заведомых клеветников – лучше всё же Флору эту на поводке держать, хотя бы и на таком.

– ...А замашки эти господские я из неё выбую, ей-богу, выбую, вожжей хватит. Не извольте беспокоиться.

Сочтя молчание начальства за знак согласия, Анри Кнутабой взвалил всё ещё бесчувственное тело на плечо и без особых усилий поволок к выходу. Почему-то у коменданта не было ни тени сомнения, что добычу свою этот медведь протащит через весь город, даже не сбившись с дыхания.

Писарь захихикал и покрутил головой. Чего только не насмотришься и не наслушаешься на допросах! Благодаренье небесам, этот закончился благополучно. Честь и хвала мэтру Карру и его светлой головушке! Перехватив прозрачный взгляд коменданта, поперхнулся смехом.

– Протокол сжечь? – спросил деловито.

– Не надо. Покажешь господину Модильяни, пусть ознакомится и сам решит, что да как, а заодно укажет особо, что с этим выскочкой Беранжу делать. Не думаю, что его светлость надо беспокоить подобными мелочами.

Доротея осторожно перевернула несколько страниц. Бумага, хоть и плотная, от времени стала хрупкой, листы обтрёпывались сами по себе, несмотря на то, что много лет их никто не касался.

Упрямая Дори ломала глаза над старой церковной книгой уже не первый вечер. Днями ей просто не хватало времени. Кто бы мог подумать, что на новой службе не останется ни минуты свободной, и к концу дня она будет едва ли не валиться с ног от усталости! Ибо столько посыпалось на её голову новых имён, обязанностей, хлопот – и это после многолетнего тишайшего существования, скупого на события, как ростовщик на уступки! Неужели когда-то, в недолгие времена замужества, ей не составляло труда день-деньской разъезжать с визитами, беседовать, следить за каждым своим словом, общаться с приказчиками в магазинах и с прислугой – причём распоряжаться, а не просить! Всему этому пришлось учиться сызнова. И при этом помнить, что в доме не она, Доротея, главная, она всего лишь компаньонка, дуэнья, хоть и титулованная, а потому её место – в тени подопечной. Хоть Марта и оказалась прилежной ученицей, её наставнице приходилось постоянно быть настороже: то подсказать, то шепнуть нужное словечко, то вовремя ответить вместо «госпожи», потому что общаться с простым человеком напрямую её светлости не полагалось этикетом. Марте было нелегко, Доротее и подавно. В её-то возрасте – и так радикально сменить образ жизни! И хоть не в первый раз – но бывлой гибкости не было. К вечеру она чувствовала себя апельсиновой шкуркой, выжатой насуху...

Поэтому изучение старого тома, сшитого, как оказалось, из множества тетрадей, продвигалось медленно.

Давным-давно, принимая и описывая полученное бесхозное имущество церквушки в Саре, Август Глюк распорядился большую часть старых записей просто-напросто уничтожить. Церковь отапливалась плохо, книги хранились в неподобающей сырости, отчего многие страницы проросли чёрной плесенью. В этой же, единственной, подпорчен оказался только переплёт, и, откровенно говоря, у Доротеи не поднялась рука бросить её в огонь. Ей вдруг представилось, что за каждой записью стоит судьба того, о ком вещают строки, и сожжение книги враз оборвёт эти жизни – невинных крещёных младенцев, отроков и отроковиц, прошедших Первое Причастие, молодожёнов... Когда-то у неё было чересчур богатое воображение.

Она тайком унесла обречённый на сожжение том к себе в комнату, отчистила, просушила и... припрятала в сундук. Отчего-то казалось, что пока книга жива – живы и те, чьи имена в неё занесены.

Вручить уцелевший раритет синеглазому капитану Доротее не торопилась. Вдруг там не найдётся ничего, что могло бы его заинтересовать, и она только отнимет время у занятого на государственной службе человека? Надо бы самой полистать, посмотреть, а тогда уже...

Не так уж много происходило событий в небольшом селе. Оттого-то, наверное, для придания большей торжественности и значимости предшественники пастора Глюка вели записи готическим почерком, красивым, но очень уж неудобочитаемым: сплошь в завитушках, росчерках, с тщательно выписываемыми в начале каждого абзаца заглавными буквами. Хорошо ещё, что Дори поняла систему ведения записей: на каждые два года заводилась отдельная тетрадь для крещений, венчаний, отпеваний; потом тетради сброшюровывались. Всё удобнее, чем манера её братца: он-то регистрировал события педантично, подряд, день за днём, вроде бы по хронологии, а получалось – вперемежку. Попробуй, найди, что нужно! А здесь Доротее сразу пропустила данные о крещениях и прочем, просматривая только брачные свидетельства. И вот нашла, наконец. После однообразия Жанов и Жаков, Анн и Марий, называемых по причине бесфамильностей прозвищами, она наткнулась на запись, очень уж отличающуюся от остальных.

«Свидетельство о сочетании браком.

Жених: Артур Эдмонд Тюдор, третий граф Ричмонд, вероисповедание католическое...»

У Доротее перехватило дыхание. Неужели?..

Других Артуров навряд ли могло занести в отдалённое баронство, да ещё и для женитьбы... Тюдор? Невероятно. Не может быть.

Тем не менее.

«... Артур Эдмонд Тюдор, третий граф Ричмонд, вероисповедание католическое. Подданный Его Величества Императора Бриттании Вильяма. Брак первый.

Невеста: девица Мартина Селеста Дюмон...»

Она! Точно, она, Мартина!

«... дворянского сословья, вероисповедание протестантское, подданная Его Величества Короля Галлии Филиппа Второго. Брак первый.

Поручители: по жениху – Жак Ткач, Леон Смирный, жители селения Сар.

Поручители по невесте: Жан Поль Мари Дюмон, Леон Тихий, жители того же селения.

Препятствий к бракосочетанию в виде обязательств, данных женихом и невестой каким-либо иным лицам, не объявлено.

Таинство обручения и последующего венчания совершено:

Согласно канону святой Католической церкви – отцом Михаилом Пере,

Согласно канону церкви преподобного Лютера – отцом Себастьяном Нико».

Лаконично и просто: таинство обручения и венчания совершено. По обрядам обеих Церквей. Бесспорно. Нерушимо. Ни один суд не придерётся, ни светский, ни духовный.

Дата, подписи святых отцов, размашистый росчерк мастера Жана и три креста от имени свидетелей, у которых с грамотой было туговато. Ни Леонов, ни Жака Ткача она не могла припомнить. Очевидно, их жизни, как и многих односельчан, заодно и святых отцов Михаила и Себастьяна, забрала безжалостная эпидемия, после которой, собственно, и была объявлена вакансия на пастырское место в приходе. В неё, как клещ, вцепился Август Глюк, решивший скрыться в провинции от судебных дрызг, в которые неосторожно влез, и от возможного преследования сестры таинственными отравителями.

Доротее прикрыла глаза. Дождалась, пока перестанет частить сердце. И перечитала:

«Жених: Артур Эдмонд Тюдор, третий граф Ричмонд, вероисповедание католическое, подданный Его Величества Императора Бриттании Вильяма».

Всё-таки Тюдор. Имя и фамилия выписаны особенно тщательно, она не ошиблась. Да ещё и граф Ричмонд... Ах, Марта, девочка, племянница простого деревенского кузнеца...

Дори, конечно, пока ещё не знала всех нынешних политических конъюнктур, но помнила, что во времена её юности Тюдоры крепко не ладили со своим королём: то прощались им за надуманные обвинения, то объявлялись вне закона... Лишь одно обстоятельство не позволяло Вильяму обезглавить всё семейство, вполне возможно, претендующее на трон Империи, поскольку находилось с Йорками в родстве: в жилах Тюдоров была изрядная доля древней крови...

Нет, мало ли что болтают. Возможно, это лишь выдумки, легенда, обросшая, как часто бывает, множеством подробностей, каковые с каждым пересказом становятся всё ярче и убедительнее. А вот «граф Ричмонд» – от этого никуда не деться. Реальность. Факт. Во время венчания никто не назовётся перед Господом чужим именем.

И где он нынче, молодой – в те времена! – граф Артур? Ходили слухи, что или сгинул, пропал без вести в последней войне, или его по-тихому уморили голодом в Тауэре – за то, что дружен с опальной принцессой Бесс и даже, говорят, подарил ей одно из своих поместий, дабы обеспечить достойное житие будущей... возможной королеве. А Вильям вроде бы не простил оппозиции под носом, решил в очередной раз ткнуть рылом в навоз, показать, кто в Британии хозяин.

Были и те, кто утверждал, что молодому наследнику надоело ждать смерти отца, захотелось самому власти и славы, пусть не в родной отчизне, а на чужой стороне, вот и отправился он искать удачи то ли в Новый Свет, то ли в Эмираты. Слухи ходили самые противоречивые. Но не найдя подпитки, так и сдохли.

Но если Марта и впрямь несёт в себе кровь Тюдоров и каким-то образом это выплывет наружу... Опасно. Для девочки. Для герцога. Для Галлии. Возможно, это новая война... Если, конечно, сей факт кому-то станет известен.

Хоть компаньонка молоденькой герцогини только-только начала осваиваться в здешних реалиях, но уже взяла на заметку повышенный интерес посла великой державы к светлейшему семейству. Да и непосредственное участие господина Гордона в побеге Анны было для неё не секретом – господин Модильяни изволил поделиться с Доротеей некими сведениями конфиденциального характера. И в то же время свидетельство происхождения пойдёт Марте на пользу. Подтверждение дворянства – раз, родство с богатым и знатнейшим семейством сопредельной державы – два... Если герцог надумает узаконить каким-то образом новый брак – а рано или поздно ему придётся на это пойти, ибо нет ничего тайного, что не стало бы явным – он представит свету партию куда достойнее предыдущей.

Ещё раз сверившись с годом найденной записи, Доротея прикинула кое-что в уме – и перешла к свидетельствам о таинствах крещения, сроком на год позже. И вскоре отыскала то, что хотела: запись о крещении Анны Виктории Мартины, дочери Артура Эдмонда Тюдора и Мартины Селесты Тюдор, урождённой Дюмон.

Они обе были наречены Мартинами, мать и дочь. И, по сельской традиции, имя дочери сократили, да ещё на простонародный манер. Впрочем, возможно, мастер... Жан Дюмон, не желая привлекать излишнего внимания к крохотной племяннице, намеренно пошёл на этот шаг? Всё, связанное с неизвестным отцом девочки, тщательно скрывалось, ведь даже в свидетельстве о Первом Причастии она была записана просто Мартой...

И вот странность – по прихоти судьбы обеих жён герцога звали Аннами.

Совпадение? Или... родовое имя, которым будущий отец мог распорядиться назвать ребёнка, если родится дочь?

И то, что обе девушки были золотоволосы, и их удивительное сходство...

Кажется, богатое воображение, похороненное под спудом унылых лет, активно пробивалось наружу, руша мыслимые и немыслимые ограничения.

Что, если Артур был отцом не только Марты, но и Анны де Бирс? По этой-то причине он и стал нежеланным гостем в Саре, ибо замужняя Матильда де Бирс до его появления ещё

могла как-то объяснить черноволосому супругу рождение златокудрой девочки наследованием цвета волос от прабабки-прадедки. Но появление у всех на глазах молодого человека, как две капли воды похожего...

Вернее, на него была похожа крохотная Анна...

Баронесса слыла женщиной легкомысленной и недалёкой, но у неё хватило ума понять, что сделает муж, если обнаружит измену. Она каким-то образом заманила бывшего возлюбленного в ловушку и подслала убийцу. А нашла, спасла и выходила его Мартина, и неудивительно, что после вероломной интриганки Артур потянулся всем сердцем к чистой и светлой девушке. Как и нынешний герцог – к его дочери...

Ослабевшими руками Доротея закрыла метрическую книгу. Прижала к груди, словно боясь уронить.

Ей непременно нужно посоветоваться. С герцогом. С капитаном Винсентом. Она не вправе скрывать такие сведения. Это не просто имя и фамилия отца Марты, это... Пусть разбираются и принимают решение те, кто поднаторел в Больших Политических Игрищах, ибо её женского ума просто не хватит, чтобы справиться с такой сложной задачей. Да, поговорить с кем-то из них немедленно...

– Господин Арман...

Марта запнулась. Дракон выразительно приподнял костяную бровь, оторвавшись от созерцания закатного солнца, пробивающегося сквозь густые кроны вековых буков.

– Ваша светлость... А вы хорошо знаете людей?

«Хм-м-м... Дос-с-статочно. Почему ты с-с-спрашиваешь? И что это за «Гос-с-сподин»? Разс-с-све мы не договаривались – прос-с-сто Арман? Что с-с-случилось, крошка?»

Марта отчаянно покраснела.

– Мне бы поговорить... – Невольно понизила голос до шёпота. – Понимаете... вы всё-таки не человек, с вами не так неловко... С тётуш...с Доротеей об этом стыдно, с Жилем... нет, это просто невозможно. У меня не хватит духу, я же сгорю со стыда.

«Детёныш-ш-ш, ты меня пугаешь. Опять кто-то попал в беду, и ты храбро брос-с-силась на выручку, но на этот раз не ус-с-спела? Или набедокурила? Брос-с-сь, да какие у тебя могут быть вины, моя маленькая прес-с-ступница?»

– Ах, ну что вы, – Марта смущённо заёрзала на пеньке. – Беда не в том, что я сделала, беда вот где. – Она постучала указательным пальцем по лбу. – Нипочём не подумала бы раньше, что буду ломать над *этим* голову...

«Хм-м-м... Лучше с-с-сказать так: «Я и предс-с-ставить не могла, что...»

– Да, спасибо. Нипочём представить не могла, что буду думать о таких греховных вещах. Или глупых? Нет, всё-таки греховных.

«Малыш-ш-шка, пока ты не обьяс-с-сниш-ш-шь, в чём дело, я не с-с-смогу определить, каковы твои печали. Поведай их мне, и мы всё обс-с-судим».

– «Поведай!» – тихо восхитилась Марта. – Сколько же у вас красивых слов, ваша светлость! Можно, я закрою глаза? Тогда будет не так стыдно.

Она зажмурилась. Помогло, но не очень. Тема была столь щекотлива, что бедняжка не знала, с чего начать.

– Вот ведь как странно: вроде бы от Жилия у меня никаких секретов нет, но не могу я с ним о таком... Вдруг он подумает, что я слишком распутная, если задаю подобные вопросы? А с вами как-то легче: вы хоть и мужчина, но всё же не человек.

Дракон странно закашлялся, словно пытаясь сдержать смех. Тем не менее, ответил совершенно серьёзно:

«С-с-спрашивай. К твоим ус-с-слугам. Не с-с-стесняйся».

– Скажите...

«Девочка, перес-с-стань краснеть. Ты хотела поговорить об *этом*? О том, что, наконец, между вами произошло? Давай поговорим. Мне самому интерес-с-сно, что за греховные мыс-с-сли могут бродить в этой невинной головке. Не бойс-с-ся: твои тайны будут надёжно замурованы. И, надеюсь, в мою копилку добавится толика бес-с-ценного опыта по общению с юными девицами».

– В общем... – Марта набрала в грудь воздуха побольше, как перед прыжком в воду, и выпалила: – Это нормально, если... если ласки мужчины приятны?

Казалось, даже воздух на поляне застыл, поразившись такому вопросу. Деревья-великаны перестали шелестеть кронами, замерев как бы в недоумении. Дракон внимательно посмотрел на любезную его сердцу собеседницу.

«Хм-м-м... Ненормально тут только одно: что ты об этом с-с-спрашиваешь. Я-то думал, в деревнях более с-с-свободные нравы... Или не во всех? Или я ошибс-с-ся? Да ты продолжай. Похоже, тебе надо выговоритьс-с-ся».

– Ой, как надо... – Больная тема была, наконец, озвучена, и разговор покатился легче. – Я не знаю, как себя вести с Жилем, понимаете? Он так рад всему, что с нами происходит...

Ящер лукаво сощурился.

«А ты?»

– И я, конечно. Но вот какое дело... В общем, я уже от многих слышала, какая его Анна была... нехорошая. Как женщина, как супруга. Она была... э-э...

«Не хотел бы повторять при тебе некоторых нелес-с-стных эпитетов... то ес-с-сть с-с-сравнений, но, похоже, она их заслуживала. Выражаясь библейски, эту женщину можно с-с-смело назвать блудницей, причём весьма далёкой от раскаянья. Но при чём здесь ты? Не вижу с-с-связи».

Марта сглотнула ком в горле.

– Она ведь были муж и жена, Арман. И... спали иногда вместе. Жиль рассказывал, что вроде бы она даже забеременела, только ничего потом не получилось. Но ведь спали-то вместе...

«Ревнуеш-ш-шь?» – участливо спросил дракон. Девушка, сдерживая слёзы, кивнула.

– А у нас говорят: охочая баба... извините, женщина, она в любой постели жадная, как кошка, вы уж простите, что так по-простонародному повторяю. Она ведь наверняка страстная была и... с Жилем тоже страстная, а я теперь... Боюсь быть на неё похожей, вот что! Лишний раз пикнуть опасаюсь или голос подать, чтобы он не подумал, будто мне слишком хорошо...

Марта потерянно умолкла. Продолжила, собравшись с мыслями:

– В церкви говорили, что возжелеть или получать удовольствие от *этого* – большой грех, а я не хочу быть грешницей. И не хочу, чтобы мой... муж подумал вдруг, что я развратна, как та, бывшая, и жить без *этого* не могу...

Ящер шумно вздохнул. Крупные бока всколыхнулись, по отполированным чешуйкам пробежала, отражаясь, волна закатного пламени.

«Ах, Марта, Марта... Какая каша у тебя в голове, девочка... Ну-ка, пос-с-смотри на меня. Слуш-ш-шай и зс-с-сапомни на всю оставшуюся жизнь...»

Он склонился к девичьему уху, жарко выдохнул и вдруг... лизнул раздвоенным языком. От неожиданности Марта ойкнула и подскочила на месте.

«Это для лучшего зс-с-сапоминания... Вот что я тебе скажу: с мужем – особенно с любимым и любящим – можно вс-с-сё. Никакого греха в том нет. И ещё удержи в своей прелестной головке: мужчины любят с-с-слышать, когда женщина получает удовольс-с-ствие от их ласк, это им лишний раз доказывает, какие они молодцы. Поняла?»

– Не грех? – ошеломлённо переспросила Марта. Дракон припрятал улыбку.

«С-с-сказано в Писании – когда сотворил Бог Мужчину и Женщину, провозгласил: да будут двое един дух и едина плоть. И благос-с-словил людей плодиться и размножатс-с-ся,

дабы и они, и их потомки владели созданным им миром. Поняла? Благос-с-словил. Нет греха в плотс-с-ской любви, если она произрас-с-стает из любви духовной, потому – радуютс-с-ся соединению любящих сердец ангелы, как на земле, так и на небесах».

– И на земле, и на небесах, – зачарованно повторила Марта. – Ох, как это... Пойдите, а разве бывают ангелы на грешной земле?

«С-с-сходят иногда, хоть и редко. Здешний воздух им тяжек, – задумчиво отозвался дракон. И спохватился. – Не уходи от ос-с-сновной темы, детёныш-ш-ш. Видишь, любовь есть и земная, и небес-с-сная. Не каждому дано любить возвышенно и целомудренно, то – удел с-с-святых и подвижников. И, разве что, немногих рыцарей. Но и искусство земной любви – наука с-с-сложнейшая, хоть многие видят её слыш-ш-шжом упрощённо и опошлено. С-с-счастливы те пары, кои в браке достигают гармонии телес-с-сной и духовной, и с-с-скажу тебе, девочка, это не такая уж редкос-с-сть... А почему вдруг такое печальное личико? Зря. Готов покляс-с-стись: ты с-с-сейчас подумала, что ничего у тебя не получитс-с-ся...»

– Я совершенная неумеха. – Марта заломила руки. – Мне бы хоть к подружкам прислушиваться, когда они парней своих расхваливали и хвастались, чем с ними занимались, а я всё уши затыкала, стыдно было... Что же теперь делать? Говорят, каждая матушка дочку перед свадьбой уму-разуму учит, а меня и поучить-то было некому. Не стану же я, в самом деле, к тётушке Дори с этим приставать, да она уже и старая... Ой!

Марта испуганно прикрыла рот ладошкой и даже оглянулась, словно забоялась – не услышит ли Доротея? Ящер хмыкнул.

«Как ты думаешь-ш-шь, с-с-сколько лет Жильберту? И с-с-сколько – твоей компаньонке? Держу пари, они почти ровес-с-стики. Хоть я и знаю её лишь по твоим рассказам, но, с-с-скорее вс-с-сего – она не ханжа и не с-с-святоша, а обычная женщина, в расцвете лет, ещё не чуждая радос-с-стям жизни. Прис-с-смотришься – и со временем поймёшь, можно ли с ней говорить о некоторых подробнос-с-стях... Но вот что могу посоветовать кас-с-сательно тебя: в пос-с-стели доверяй в первую очередь себе самой, своим ощущениям. Целомудренность – не помеха чувс-с-ственности. Твоё тело – ещё нераскрывшийс-с-ся бутончик, который со временем оформится в прелес-с-стный цветок, стоит лишь ему помочь. Ес-с-сли тебе хочется зас-с-стонать от удовольс-с-ствия – почему бы и нет? Это будет приятно и тебе, и супругу».

– И он не будет думать обо мне плохо?

«Напротив. А вот когда жена не отвечает на ласки, холодна, лежит бревном – муж рано или поздно может решить, будто это с ним что-то не так, и подумает: неужели я не в состоянии доставить женщине удовольс-с-ствие? О, сомнения такого рода очень опасны, ибо тогда мужчина попытается самоутвердиться на стороне».

– Само... что? – в ужасе ахнула Марта.

Ящер едва сдержался, чтобы не расхохотаться.

«Это не то, что ты подумала. Я хотел с-с-сказать, что, не найдя отклика своей мужественности в жене, супруг возжелает проверить с-с-силы на другой женщине».

Марта широко открыла глаза.

– На лю... любовнице, да?

«Не обязс-с-сательно. Любовница требует затрат, галантного и долгого ухаживания. Есть, конечно, охотники до подобных игрищ, но большинс-с-ство предпочитает пойти более лёгким путём. Ты, должно быть, с-с-слыхала, что в каждом городе есть специальные дома с особыми женщинами, с которыми любой, имеющий несколько монет в кармане, может удовлетворить все свои запрос-с-сы. И докажет, что он настоящий самец».

– О-о... Но ведь это же... обман! За деньги-то! – Девушка насупилась. – Пойдите. Походите-ка... Нет, мой Жиль ни за что не пойдёт к блудницам! Он не такой!

Дракон снова подавился смехом.

«Разс-с-сумеется. Он у тебя с-с-совершенно особенный, детка. Я уверен: он будет страдать молча, обвиняя во всём себя и шадя твою невинность. Посему – не пускай такое важное дело, как с-с-супружеское счастье, на самотёк. Прислушивайся, как я уже с-с-сказал, и к с-с-своим желаниям, и к его, не с-с-стесняйся говорить о самом сокровенном, о том, что нравится или не нравится, с-с-спроси, чего он сам хотел бы... Да-да, увидишь, он обрадуется, как мальчишка! Уверен, у вас всё сложится как нельзс-с-ся лучше. К тому же... – Он подмигнул. – Практика – это одно, но неплохо ещё вооружиться и теорией. Есть некоторые книжки...»

– Да вы что? Неужели об *этом* можно писать?

«И весьма искус-с-сно, я бы сказал... Отыщи-ка в библиотеке сочинение некоего Бокачивелли... Запомнила? Бокачивелли, а называется «Октамерон». Прелес-с-стная, скажу тебе, книжечка, с ис-с-сториями занимательными, и пикантными, и печальными иногда, но она откроет тебе окно в новый, с-с-совершенно неизвестный ранее мир. И мой с-с-совет: не прячь её под подушкой. Идеально, ес-с-сли вы начнёте читать вмес-с-сте».

Марта краснела, бледнела, смущалась, а иногда и откровенно хохотала, а старый дракон всё нашёптывал и нашёптывал ей новые имена и названия. Упоминались и сказки некоей мудрой султанши с далёкого Востока, и книга с картинками из ещё более далёкого Хиндустана, и изысканные гравюры мастеров из Страны Восходящего Солнца, и сборники чудесных виршей персидского мудреца и звездочёта...

Шелестели и пересмеивались старые буки и вязы. И листовные щеки их рдели в закатном солнце, словно от смущения и неловкости за себя, за подслушиваемые нескромные разговоры, за весь род людской, который живёт себе – и никак не разберётся, что тут греховно, а что – просто и естественно, как сама жизнь.

Иногда герцог д'Эстре напоминал Доротее громадного кота – эдакого черногривого льва, грозно рычащего и гневно фыркающего. А вот его секретарь, Максимилиан Фуке, отчего-то сразу увиделся ей ястребом. Хищной опасной птицей, только волею обстоятельств смирившейся с колпачком, полагающимся прирученным с молодых когтей ручным соколам, но никак не вольным охотникам. Возможно, тех, кто давно общался с господином секретарём, вводили в заблуждение его педантизм, сухость и бесстрастие. Всякий раз, стоило Доре заговорить об этом человеке с окружающими, попытаться навести справки, как ей немедленно слово в слово повторяли: настоящий сухарь! Дотошен до фанатизма. Книжник. Предан герцогу как пёс. Всё знает. Знает всех.

Не более.

Спросить ли его о судьбе сэра Артура? Вот и капитан Винсент упоминал, что господин Фуке – кладезь знаний, и советовал обращаться к нему, как к неиссякаемому источнику сведений...

В полном соответствии с мысленным настроем ноги сами принесли Доротее в библиотеку, где по случаю стущающихся сумерек уже зажглась люстра. Секретарь был здесь, за своим любимым рабочим пюпитром, с благоговением изучая какую-то инкунабулу. «Помяни чёрта к ночи – а он тут...» – невольно вспомнила Дора поговорку, которую любил цедить сквозь зубы её братец при очередных визитах посыльного от барона. И вроде бы обходителен был секретарь, и галантен, но любил – или подражал – своему хозяину чересчур рьяно. Герцог предпочитал одежду чёрных тонов постольку, поскольку, пребывая в мрачном настроении, пестроты и ярких расцветок не переносил, однако в последнее время камзолы его начали заметно оживляться. Мэтр же, подобно ворону, был наглухо упакован в чёрное, и даже манжеты на рукавах его одеяния и изысканно-скромное жабо отливали жгуче-угольным, словно носил секретарь не снимаемый пожизненный траур.

Фуке, узнав о цели посещения благородной дамы, склонил голову, обозначая глубочайшее почтение. Иссиня-чёрные пряди упали на лицо, оттенив белизну кожи, воистину аристократическую.

– Его светлость, к сожалению, отсутствует. Я могу его заменить? Всецело к вашим услугам, госпожа Смоллет.

Очень даже мог бы. Но увы – Доротея смешалась, вспомнив, что не имеет представления, в какой степени мэтр секретарь осведомлен обо всех перипетиях жизненного пути внезапно обретённой супруги герцога. Не получится ли, что, обратившись за советом и помощью, потом придётся горько пожалеть о своей откровенности? Поэтому она ограничилась лёгким реверансом и извинениями. Нет, к величайшему сожалению, ей необходимо поговорить именно с его светлостью, и если уж это в настоящее время не представляется возможным – тогда позже... или в другой раз.

– Весьма сожалею, – чопорно произнёс мэтр секретарь. И было непонятно: досадно ли ему, что герцог отсутствует, или жаль, что отвергли помощь именно его, Максимилиана Фуке, человека, в сущности, могущественного почти столь же, как и его высочайший господин. Что-то промелькнуло в тёмных глазах. – Весьма...

– Я...

Доротея Смоллет почувствовала, что растеряла слова. Этакого с ней никогда ещё не случилось. Смущённо погладила переплёт старой книги, которую, оказывается, и не заметила, как прихватила с собой, мысленно сосчитала до пяти и снова сбилась, не зная, что ответить. Как маленькая девочка перед учителем... Что за вздор! Этот мэтр уж никак не старше её, но отчего он смотрит так настойчиво, в упор, не желая отводить взгляд, это, в конце концов, просто неприлично!

– Вам довелось отыскать какой-то раритет со старыми записями? – прервал молчание мэтр Фуке. – Могу я взглянуть? С вашего позволения, сударыня... Я считаюсь неплохим знатоком.

– Нет-нет, – поспешно отозвалась Доротея, чувствуя, как щёки опалает жаром. – Это... записи частного характера, которые мне хотелось бы обсудить...

– ...лично с его светлостью, – пришёл на выручку секретарь. – Понимаю, госпожа Смоллет. Конечно. Разумеется. Я распоряжусь известить, как только его светлость сможет вас принять.

Ноздри хищного, с горбинкой, носа чуть дрогнули, будто он уловил какой-то новый для себя запах. Дори мысленно чертыхнулась. Надо же было с утра пролить лишнюю каплю духов на кружевной воротник, очень уж соскучилась она по запахам и ароматам, а тут Бланш прислала обожаемую с детства «Вербену»... И ведь унюхал, Ворон... Она подавила невольную дрожь. Ещё раз церемонно присела. И покинула библиотеку, чувствуя спиной пронизывающий до печёнок взгляд. Придётся обратиться к капитану.

– ...Да нет его, драгоценнейшего, – в сердцах сообщила матушка Аглая. – Сколько можно? Третий день уже его светлость заседают безвылазно в суде, то с Максом, то с моим оболтусом... Ох, вы уж простите, что я его так, по-домашнему называю-то...

Доротея невольно улыбнулась. Да уж, назвать оболтусом доблестного капитана, в каких-то полчаса разгромившего вооружённый до зубов орочий отряд, могла единственная женщина на свете – его бесстрашная матушка. Впрочем, с неё стало и герцога так величать – втихаря, когда никого поблизости не ошивалось. Грозна и гневлива была порой эта женщина, и на ней, как на гранитном незыблемом основании, держались порядок и покой Гайярда.

– Не раньше, чем в ночь, появятся оба, – рассеянно подытожила домоправительница, вертя пакет со странного вида синей сургучной печатью. – Ох, не нравится мне это. От господина Карра письмо, не к добру, пойти, со стариком Гийомом зачитать...

Пришлось Доротее отправиться восвояси и запастись терпением. Похоже, время советов со стороны ещё не наступило. Не станет же она напрашиваться на приём к герцогу на ночь глядя, ведь неизвестно, что у него запланировано на завтрашний день и найдётся ли свободная минута для компаньонки жены. Оставалось лишь надеяться на идеальную память мэтра Фуке и его обязательность.

Вздыхая, Дори бездумно миновала зеркальный холл, спустилась на первый этаж и вернулась в одну из галерей, уводящих в восточное крыло замка. Возвращаться к себе не хотелось. Она и без того провела в четырёх стенах большую часть сознательной жизни, особенно последние годы, и теперь при первой возможности старалась вырваться на свежий воздух; а здесь, в Гайярде, был такой прекрасный парк! Главное, что наплыва гостей в ближайшее время не предвиделось, и по аллеям и лабиринтам можно бродить беспрепятственно, без риска наткнуться на чужака или, того и гляди, флиртующую парочку, или на заскучавшего кавалера, коих обычно на приёмах водилось в изобилии. Отчего-то господ, «забывшие» дома или в поместье жён, враз становились холостяками, охочими до лёгкого флирта и ни к чему не обязывающих домогательств, и их порой не останавливали ни возраст промелькнувшей на горизонте дамы – в известных рамках, конечно – ни её социальный статус, ни наличие брачных обязательств. Была бы особь женского пола, к которой можно подкрасться с вожделением и сладкой улыбкой на устах.

Доротее ухмыльнулась. В своё время ей пришлось научиться отгонять надоедливых ловеласов и довольно-таки ловко; но сейчас, слава богу, её полновесные тридцать пять, далеко не девичий возраст, да и пышность стана, не соответствующая модной ныне хрупкости, служили надёжной защитой от возможных посягательств. Во всяком случае, она на это надеялась. Что ж, у каждого возраста есть свои преимущества... И хоть зеркала по-прежнему – ещё со времён посещения салона Бланш – продолжают ей врать, что она, в общем-то, ещё не так уж плоха, Дори давным-давно смирилась с мыслью, что у неё всё позади. Со смертью Алекса и их нерождённого дитяти жизнь кончилась. Сейчас, конечно, приоткрылась одна, и весьма интересная, сторона этой жизни, но к прошлому, к любви, к женскому счастью дороги больше нет. И хватит об этом.

...А вот Марта навевалась в парк каждый день, ближе к вечеру, но почему-то всегда изъявляла желание прогуляться одна. Доротее относилась к её смущённым объяснениям с пониманием: девочка за день узнавала столько нового, неудивительно, что иногда ей хотелось побыть без сопровождающих, в тишине, да ещё в местечке, столь напоминающим любимый лес. Может, Дори сейчас с ней встретится? И...

Она вновь прижала к груди старый том.

И расскажет... Почему она сразу не подумала, что уж Марта – первая, кто должна узнать правду о своём происхождении? По привычке сразу начала рассуждать о политике, о том, чем грозит это известие... А вот о том, что её воспитанница имеет полное право знать о своём отце – только сейчас. Извинением могло послужить лишь одно: Дори растерялась. Была ошеломлена. Засуетилась.

А ведь совсем недавно Марта ей призналась...

Вчера вечером, когда правила грамматики застыли в глазах Доротее издавающимися кляксами, от арифметики затошнило, а годы царствования последних королей наотрез отказались вспоминаться – она вслух подивилась, как это у Марты, заморённой поездками в монастырь, уроками музыки, этикета, танцев, треклятой грамматики – ещё хватает сил на прописи. Вот тогда-то её ученица, завздохав, и призналась. Была у неё Великая Мечта, которая раньше казалось сказочной, а сейчас вдруг приблизилась настолько... что и мечтать-то можно без робости: ведь есть надежда, что сбудется!

Всего семь годочков было Марте, когда она осиротела. Но очень хорошо запомнила она последние матушкины слова: «Будь доброй девочкой, родная, честной и смелой... и если смо-

жешь – учись, учись, дядя Жан непременно тебе поможет, не будь невежей! Чтобы твоему отцу, когда вы встретитесь, не стало бы за тебя стыдно.. Будь его достойна, он хороший... хороший человек».

И так истово это прошептала, что Марта сейчас же поверила: однажды она встретит Его, загадочного Отца. И ему не должно быть за неё стыдно. Вот и ломала глаза, зазубривая с дядей Жаном буквицы и цифири, твердя в уме помножающую табличку, пачкая пальцы углём, расписывая на старых досках первые неуклюжие буквы...

Ох, как долго она хотела его встретить! Показать, какая она стала, что вот, выросла без него, и ещё как выросла: и умница, и в доме первая помощница, и грамоту знает не хуже священника! А потом, когда он удивится и станет просить прощения, что бросил их с матерью – сказать в лицо, как она его ненавидит. Наказать презрением. Пусть плачет.

А потом, быть может, и простить. Отец всё-таки... И поплакать вместе.

Повзрослев, она поняла наивность подобных мечтаний. Сколько их было, в окрестных деревушках, бастардов, «плодов мимолётной любви» и «первых ночей», отцы которых, благородные и знатные люди, и известны-то были, но только не больно пеклись о судьбах брошенных отпрысков. Хорошо, если пристраивали к сытой жизни при своём дворе – и то милость. А то и не помнили вовсе. И не считали. Так ведь можно и со счёту сбиться.

Но здесь, под крылышком всеильного супруга, Марту посетила мысль, которая вдруг показалась не такой уж и крамольной. А что, если и впрямь они с отцом встретятся? Но уже не безродная девчонка-селянка – а герцогиня, и тот загадочный рыцарь, вспоминая которого матушка слабо улыбалась и даже назвала его перед смертью «хорошим»... Значит, было за что?

Вот ради этой встречи она, закусив губу, пачкала пальцы в чернилах, зубрила родословные знатнейших семейств, листала толстые тома по географии, истории, естествознанию, приучала пальцы к столовым приборам, а ноги – к сложным па и реверансам и даже храбро набросилась на латынь, что уж, по мнению герцога, поинтересовавшегося учёбой супруги, ни к чему. Но Марта видела, как он однажды листал фолиант какого-то Корнелия Цельса и обсуждал с секретарём перевод... Она тоже должна так уметь!

Ох, Марта, Марта... Какая каша у тебя в голове! Остаётся надеяться, что со временем всё уляжется на свои места и принесёт тебе большую-большую пользу...

Доротея огляделась. Она прошла весь парк и теперь стояла на границе с лесом, обозначенной живой изгородью из буйно разросшихся зарослей боярышника. Значит, с воспитанницей они как-то разошлись. Впрочем, никто не мешает заглянуть к ней в комнату и... Нет, не получится. Темнеет. Скоро вернётся герцог, и Марте будет не до разговоров. Дори показалось, что где-то вдалеке мелькнуло светло-кремовое Мартино платье, и, подхватив юбки, она устремилась в том же направлении. Но тут дорогу ей перегородил шипящий и фыркающий ком шерсти.

С опаской женщина отступила от рассерженного кота. Маркиз гневно подышал, поточил когти о дорожку и... неожиданно сел, шевельнув ушами. Будто к чему-то прислушиваясь. Решив воспользоваться затишьем, Доротея попятилась, но зверь, вновь осердясь, забил хвостом.

Обошёл вокруг притихшей женщины и ударил лапой по оборке юбки. И сделал невероятное: словно пёс, прихватил зубами подол и потянул Доротею за собой. Непреклонно, как таран, ничуть не сомневаясь, что жертва за ним последует.

Дори ничего не оставалось, кроме как идти за неожиданным провожатым. Благо, у того хватило ума тащить её не напрямик через кусты, а отыскать какой-то проход, ловко петляющий среди зарослей. Бывшая «тётка Дора», почувствовав неожиданный азарт и лёгкость в ногах, словно сбросила десяток лет, успешно лавируя меж колючих веток, стараясь не оставлять на ближайших сучках клочья платья, и... совершенно не боялась, охваченная непонятным возбуждением. Тысячи женщин на её месте завопили бы в ужасе: «Оборотень» – и пустились во

весь дух от чёрного кота подальше, но... Она была не из трусливых. И уж давным-давно не салонная барышня. А больше всего её влекло вперёд чувство, в котором она сама себе боялась признаться: ощущение чего-то необычного, но *чудесного*, что вот-вот должно было произойти.

Поляна распахнулась перед ней неожиданно. И вспыхнули два жёлто-янтарных фонаря с агатовыми зрачками. И шевельнулось нечто громадное, чешуйчатое, грозное. Прозвучал властный, странно знакомый голос:

«А ну-ка с-с-стой...»

Кот, сделав своё черное дело, благодушно потёрся о женскую ногу. Это простое домашнее действие удержало Дори от того, чтобы испугаться. Она бесстрашно заглянула в драконьи глаза – и в очередной раз за этот день присела в реверансе. Нижайшем. Придворном. Каковым полагалось приветствовать особ королевской крови и лиц высшего духовного звания.

«Хм-м-м... Изс-с-сольда, – удивлённо сказал дракон. – А ведь я тебя узнал... Изс-с-сольда Белокурая. Была с тобой ещё и Белорукая, помню... Подойди, не бойс-с-ся. Я давно хотел тебя увидеть... Доротея Августа Терезия Смоллет, в девичестве Глюк, так ведь?»

Глава 2

Доротeya ошибалась, полагая, что встретит Марту в парке.

Последний разговор с Арманом девушку изрядно смутил, но и прибавил храбрости. Торопясь в библиотеку на розыски, она, смущаясь собственных дерзких замыслов, думала: а что, если и впрямь почитать вместе с Жилем полезные книжки, как, например, читали вместе «Этикет»? В самом деле, для неё, глупышки, в сочинениях господина Бокачи... как-его-там... наверняка найдётся много непонятных мест, требующих разъяснений. Придётся его светлости постараться, ибо не факт (это умное слово она недавно услышала от секретаря и запомнила), не факт, что так уж сразу Марта всё поймёт...

Но Жильберт нигде не находился – ни в библиотеке, ни в кабинете, куда она так и не решилась пройти, а лишь робко сунулась в дверь, глянула на тонуший в сумраке необъятный письменный стол и попятилась.

Неужели до сих пор не приехал?

– Никак нет, госпожа Анна, – почтительно сообщил Андреа, помощник мажордома, дежуривший у парадных дверей. – Как с утра в суд отбыли, так до сих пор и не вернулись. И никого не присылали с известием, чтобы ждать; видать, накопилось дел-то.

– Да сколько же они там заседают? – всплеснула руками Марта. – Неужто до самой ночи просидят? Разве можно? И не поевши?

– Что вы, госпожа, обычно к полудню управляют. Господин герцог судит скоро да быстро, не откладывая, да и дела ему на блюдечке преподносят, с доказательствами, с разборами. Только и остаётся решить: виновен – невиновен да наказание избрать. Уж будьте покойны, мы-то порядки знаем, потому как кум мой, Мишель, что в лакеях у его светлости, частенько в зале сиживает. У-у, там чего только не нагладишься!

Андреа осёкся.

– В общем, очень хорошо мы эту кухню ведаем, не хуже, чем Дениза своё хозяйство. А вот говорят, что вчера привезли арестантов из Нанта и Роана, и уж до того ужасные деяния творили, что тамошние судьи побоялись сами приговор выносить, очень уж высокие покровители у злодеев. Вот и... Они завсегда таких в Эстре отправляют для осуждения, потому как выше герцога в Галлии никого нет, и уж он-то никого не боится. Потому и самый справедливый.

Марта покивала.

– Понимаю. Значит, преступников нынче много?

– Да нет, бывают и один-два человечка в день, да знаете, как оно случается, сударыня... Люди-то они везде люди, что в столице, что в какой занюханной дыре, грешат одинаково. Так ежели кто издалека и, допустим, не допрошен толком, или в документах какая нехватка, или в про-це-ду-ре, – парень с удовольствием выговорил трудное слово, – так всё на месте доделывают, у нас. А как ещё прикажете? У его светлости правило: с приговором не затягивать, но чтоб и без ошибок. Чтобы не причастного или оболганного, значит, не задеть. Ежели виновен – на плаху тебя или на кол... – Андреа поперхнулся, заметив расширившиеся от ужаса глаза собеседницы, и поспешно добавил: – А невиновен – тем более незачем тянуть с оправданием, ему каждый час в тюрьме – пытка, даже без пытки. Ох, вы простите, и в мыслях не было вас пугать, вот дурной язык-то...

– Ничего, я понимаю. – Марта опустила глаза. – Стало быть, приедет поздно.

И уже развернулась, чтобы уйти.

– А вы вот что, сударыня, – окликнул парень. Ему было неловко за свою болтливость и хотелось как-то утешить госпожу. – Взяли бы да съездили прямо туда, в суд, да и дождались его светлость на месте, всё не так скушно-то... Ей-богу, съездите!

Марта заколебалась.

– Можно?

– Почему нет? Мишель сейчас свободен, вот я его с вами и пошлю, он в суде всё знает; есть там над самым залом, на хорах, уголок, где можно потихоньку посидеть да послушать, никто и не заметит.

– Женское ли это дело? – усомнилась Марта. – Да туда, наверное, посторонних не пускают, одни судейские, а тут я заявлюсь... Ведь всё равно кто-нибудь, да увидит, стыда не оберёшься.

– И-и, сударыня, пустое. У нас суд закрытый лишь тогда, когда государственных преступников судят, или дело секретное; а на всякую шуштуру вроде разбойников и блудодеев ходят, как в балаган... в театр, то есть, на представления. Для свидетелей – одни места, для почтеннейшей публики другие. То есть не совсем уж зеваки праздные сидят, а представители разных сословий: и дворянского, и духовного, и купеческого. И простолюдины – запросто. Это чтобы весь народ Галлии видел и знал, как суд творится, и другим поучительно рассказывал. Высокого сословия дамочки тоже замечены; им, говорят, не возбраняется в масках сидеть, или под мантилей, ежели неловко. Ничего, сударыня, езжайте себе. Малая карета у нас всегда на ходу, сейчас сопровождающих вам кликну, а обратно авось с его светлостью вернётся.

Марта замерла в нерешительности.

– А ну как увидит, рассердится?

Андреа расплылся в улыбке.

– Это вряд ли. То есть, я про то, что если и увидит – постарается быстрее закончить, это уж точно. Вы ему как ясное солнышко, госпожа Анна, уж простите дурака за такие речи...

– Тогда... – Юная герцогиня покраснела. – Вели подавать карету, голубчик. А я сейчас приду.

Мантилья у неё должна быть. Лёгкая, из тончайшего фламандского кружева, белоснежного, как фата невесты, и так идущего к нынешнему голубому платью. Вот только... ничего, что она без Доротеи? Ничего. Все вокруг, а самый первый – Жиль, твердят «госпоже Анне», что она может делать всё, что в голову взбрédёт, так почему же не съездить к мужу? Вдруг он и в самом деле ей обрадуется...

Утомительные разбирательства подходили к концу. Оставалось последнее дело.

Герцог объявил перерыв на четверть часа. За это время должны были увести осуждённых, доставить нового обвиняемого, проветрить зал суда, а главное – предоставить заседавшим время на небольшой отдых и удовлетворение насущных телесных надобностей, ибо даже такая мелочь, как хотение по малой нужде или неприятное ощущение под ложечкой от голода могли дурно повлиять на непредвзятость приговора. Никто не должен иметь повод обвинять его светлость и судий, что основанием сурового решения послужило несварение желудка или иная прозаическая причина. *Fiat iustitia, et pereat mundus!* Пусть свершится правосудие, даже если мир рухнет! Только так и не иначе.

Жильберт отпил прохладной воды из фляги, поднесённой верным капитаном Винсентом. Вина он себе позволит, лишь вернувшись в Гайярд, сейчас же ничто не должно туманить голову. Чересчур полный желудок также отвлекает, а потому его светлость позволил себе лишь простой солдатский сухарь из запасов того же капитана. Поднялся на самый верх ратуши, полюбовался с балкона на вечерний город, крыши и шпили, тающие в сумерках, вдохнул полной грудью. Отхлебнул из фляжки – запить застрявшую в горле крошку.

– Как же так можно! – довершил вслух то, что думал. – Уродовать детей, творить из них монстров, карликов на потеху вельможам и толпе... Детей, Винс! И, заметь, половина из этих компрапеконьсов с виду почтенные люди, причём образцовые семьянины, любящие родители, снисходительные мужья и заботливые дети. Что не мешает им скупать чужих чад

и ставить над ними страшные опыты. Для них это дело ничуть не хуже иного, приносящего прибыль. Вот что страшно. И ведь это уже вторая шайка в Галлии, а могут быть ещё! Эти – заезжие, но как бы они ни оставили здесь местных преемников...

– Я подумаю над этим, – сдержанно ответил Модильяни. – Вместе с Максимилианом.

– Вот-вот. С ним. Без нового закона здесь не обойтись, поэтому... думайте. Через неделю жду. Винс...

– Да?

– Ты не задумывался ещё и над тем, что хватит тебе капитанствовать? У тебя слишком хорошо получаются дела иного толка.

– Иногда нужно дать себе встряхнуться в бою, ваша светлость. К тому же порой куда полезнее увидеть ситуацию своими глазами, а не через донесения. Для этого, кстати, вы меня и гоняете по всей Галлии... Нет, я своих ребят не брошу. Иначе заплесневею и покроюсь архивной пылью, если отдам всего себя вашим поручениям. Глоток свежего воздуха тоже иногда нужен.

– Ты прав. – Герцог вновь глубоко вздохнул. – Глоток воздуха... – И вдруг улыбнулся. – А давай мы тебя...

– Только не надо говорить, что мы тебя женим, – поспешно добавил капитан. – У вас свой воздух, у меня свой, ваша светлость. И наличие в нём женских ласк и домашнего уюта для меня пока необязательно. Ещё не созрел для уз.

– Хм-м-м... – благодушно протянул герцог. – Посмотрю, как ты запоёшь через месяц-другой... Пигмалион.

– Попрошу без намёков. Я искренне симпатизирую госпоже Доротее, но это чисто дружеский интерес.

– И исследовательский...

– Ну, разумеется.

– Посмотрим, Винс, посмотрим... Что ж, пора возвращаться. Что у нас там напоследок?

– Дело об отравительнице из Роана.

Его светлость, взявшись было за перила лестницы, замедлил шаг и нахмурился.

– Отравительнице?

– Вдове некоего купца Россильоне вменяют в вину отравление мужа, причём не случайное, а подготовленное заранее, иначе говоря – умышленное. Что усугубляет преступление. Обвиняет брат покойного, тоже из купцов, но не столь удачливый в делах. От него поступил донос, что неоднократно он, якобы, наблюдал ссоры брата с супругой, которая и в обычной жизни не отличалась кротостью характера. Впрочем, в роковой день, да и за целую неделю до этого, она вдруг притихла, стала добра и миролюбива, и вся её строптивость куда-то подевалась. По словам брата покойного, он уже тогда начал что-то подозревать.

– Продолжай.

Его светлость, не торопясь, спускался по лестнице. До первого этажа, на котором располагался зал судебных заседаний, оставалось ещё пять пролётов, времени на предварительное ознакомление с делом должно было хватить.

– В день годовщины свадьбы госпожа Фотина...

– Фотина?

– Да, в крещении. До этого – Фатима. Удачно подобрали имя, не правда ли?

– Постой, так она что же – из эмиратов?

– Хуже: из Османи. Муж-то, хоть и купец, не любил сидеть в лавке, предпочитал за редким товаром ездить сам. Этому сословию только открой границы – сразу торговать едут. Вот его и занесло на Босфор, как раз после заключения мира. Увидел, будучи в гостях, хозяйскую дочь-красотку, потерял голову, тут за него и наш посол похлопотал: дескать, скрепление союза двух держав, экономические связи... беспошлинный ввоз-вывоз... Папаша-то невестин тоже

из торговцев, свой интерес в этом браке оценил. Вот и привёз с собой Россильоне редкость, диковинку; окрестил, обвенчался, всё честь по чести...

– Чтоб его черти взяли... Не мог выбрать жену где-нибудь поближе. И что – неужели, действительно, строптива? Это восточная-то женщина?

– Говорят, встречаются среди них и такие. Впрочем, показания безутешного брата несколько расходятся со словами прислуги, которая в один голос твердит, что госпожа, хоть поначалу и робкая, затем осмелела, домом руководила твёрдо, но без особого принуждения. Без надобности никого не наказывала, с хозяином была ласкова, только сильно ругалась, когда попивал, потому что по мусульманским законам винопитие запрещено. А как торговому человеку не спрыснуть с компаньоном сделку? Да вот незадача: красавица жена на нюх не выносила хмельного духа, а последний месяц её вообще мутило от всяких запахов.

– Вот как...

– Да, последний месяц. Оттого иногда срывалась на попреки. Потом, конечно, они с супругом мирились, как голубки, только это уже наедине, а вот ссоры-то случались у всех на виду. Что дальше? На годовщину свадьбы Россильоне накрыл богатый стол, созвал к обеду родственников и друзей, намереваясь огласить какое-то важное событие. Вопреки своему обыкновению, госпожа Фотина сама преподнесла мужу кубок вина: по традиции семейных обедов. Все это видели. Спустя несколько минут господин Россильоне побледнел и схватился за живот. У него начались сильнейшие колики. В числе приглашённых оказался докторус, молодой, совсем юный, но вроде известный. Настойка опия, рекомендованная сим восходящим светилом от медицины, утишила страдания больного...

– Конечно. Он снял симптомы, но не убрал причину боли.

– Совершенно верно, ваша светлость. Когда колики стали невыносимы и начались судороги, вдобавок – показалась кровавая пена на губах, господин докторус из чувства сострадания дозу опия удвоил.

– Или утроил...

– Уже неважно. Жертва скончалась в забытии, не приходя в сознание, и, по крайней мере, без лишних мучений. К лекарю претензий никаких не выдвигалось. Да и к супруге... поначалу. Вино было настоящим на абрикосах и, как оказалось, перестояло, а известно, что в таких случаях из косточек начинает выделяться ядовитое вещество. По счастью, никому из гостей не довелось отхлебнуть того напитка – из-за крепости, в Роане привыкли к более лёгким винам, а этот бочонок излюбленной настойки хозяин дома держал сугубо для себя. Вроде бы, дело ясное. Но вот сразу после похорон, зайдя к вдове, дабы предварительно обговорить условия опекуна над наследством брата и овдовевшей жёнушкой, молодой Россильоне обнаружил в комнате последней...

– Минуту. В комнате? Он что – ввалился к ней в спальню? К вдове?

– А что, на правах родственника нельзя заглянуть в спальню невестки? Он так и пояснил. На комодке вместе со склянками всяческих восточных благовоний и женских притираний стоял ещё один флакон, показавшийся нашему зоркому обвинителю слишком подозрительным. Тёмного стекла, грубой формы, чересчур простой, так и бросающийся в глаза. Дура вдова, по словам купчишки, на вопрос, что за недостойный предмет затесался среди красивых безделушек, вдруг отчего-то перепугалась. Слово за слово – купец позвал эконома и двух слуг и при них влил полфлакона в пасть хозяйской собачки. Та сдохла с кровавой пеной на губах. Вдову арестовали. В особую вину ей ставят ещё и то, что о смерти собачки она скорбела больше, чем по мужу. Dixi. Я сказал.

– Я услышал, – мрачно отозвался герцог.

Винсент, как всегда, уложился с предварительным докладом в отведённое время. Недолгий путь от лестницы по широкому коридору до дверей зала заседаний Жильберт д'Эстре думал, анализировал, решал... Но не был готов к тому, что, едва переступил порог зала, как

в ноги ему бросилась женщина. Обхватила грязными голыми руками его сапоги, простёрлась ниц, рассыпав по полу давно нечёсанные лохмы.

– Милосердия, мой господин, прошу!

Умоляюще глянули полные слёз чёрные глаза, прекрасные, но запавшие и обведённые тёмными кругами. На скуле желтел застарелый синяк, на шее и смуглых плечах – несколько свежих, будто от пальцев. Герцог отстранился – не из брезгливости, а дабы рассмотреть обвиняемую лучше. Воспользовавшись этим, двое стражников ловко вздёрули несчастную с колен.

– Оставить! – рявкнул сзади Винсент. Вовремя, потому что один из стражей размахнулся для подзатыльника. – Сам виноват, упустил, раззява. Я с тобой ещё разберусь. Отвести на место!

Женщину отволокли к скамье обвиняемых. Она тяжело осела на деревянном сиденье. В глазах её застыли тоска и безнадежность.

...Совсем как у Марты в их первую встречу, вдруг подумал герцог. Его девочка пыталась доказать ему, как могла, что он неправ, а он, дуболом, не верил, ослеплённый предубеждением. Эта... похоже, тоже отчаялась.

Он не считал себя великим знатоком людских душ, особенно женских. Но не любил, когда из него пытались сделать дурака. А здесь явно пытались. И причиной такого мнения герцога стала вовсе не попытка его разжалобить, а сами обстоятельства дела, услышанные от Винсента и весьма не понравившиеся.

В зале тем временем слышались смешки и перешёптывания. Женщина судорожно пыталась хоть как-то запахнуть грубую мешковину, в глубокий разрез которой едва не вываливались полные груди. Правой рукой приходилось сводить края разреза, левой – натягивать на голые колени обмахранный край рогожного мешка, который, собственно, и служил ей одеждой.

Герцог занял своё кресло и обвёл взглядом зал.

– Справа от колонны, похоже, отец, – шепнул Винсент. – Или родственник.

Сходство между предполагаемой отравительницей и седобородым пожилым человеком в богатых восточных одеждах было несомненным. Те же чёрные глаза, полные затаённой боли, те же тонкие черты лица... При очередных смешках сословной публики щёки османца зарделись от стыда, он прикрыл глаза рукой. Сверкнули в отблесках зажжённых на люстре свечей драгоценные перстни.

«И ведь успели когда-то родителя вызвать, сволочи, – с неожиданной злостью подумал герцог. – Только конфликта с Константинополем нам не хватало...»

– Почему... – начал вроде бы негромко, но его расслышали в самых отдалённых уголках зала. Шумок мгновенно утих. – Почему женщина в таком непотребном виде, оскорбляющим наш взор? Господин главный судья Роана, я к вам обращаюсь!

– Так ведь отравительница... – шевельнул побелевшими губами «его честь» мэтр Кордель. – Полагается, в соответствии с законом, предать позору и осмеянию...

Герцогские очи метнули молнии. Его светлость гневался.

– Мне напомнить, что она пока лишь обвиняемая, но не осуждённая? Не подлежит порядочную женщину выставлять напоказ, а всем прочим – поощрять оное. Или вы взяли на себя смелость принимать решения за меня, мэтр, осудив её заранее? В таком случае – что она делает здесь? Казнили бы на месте, не утруждая высокий суд разбором дела...

Обмершего проштрафившегося судью принялись отпаивать водой. Тот никак не мог ухватить кубок сведёнными судорогой пальцами. Поморщившись, герцог отвёл глаза.

Тем временем маленький писарь, помощник господина Карра, кузнечиком сиганул через барьер, отделяющий закоулок обвиняемых от общего зала, стянул с плеч широкую мантию и накинул на женщину. Плотная чёрная ткань окутала её коконом. Стражники дёрнулись, порываясь вмешаться, но были пригвождены к полу взглядом то ли светлейшего, то ли капитанским, а может, и обоими разом. Несчастливая вцепилась в спасительный покров, торопливо запах-

нулась и с благодарностью подняла глаза на писаря. Тот, поклонившись, вернулся к своим. Ибо, по долгу службы, здесь нынче присутствовала вся команда Александра Карра: палач с помощником, менталист-дознатель, писарь, и, конечно, сам комендант. На случай проведения новых допросов.

Для Жильберта не остались незамеченным ни одобрительный кивок коменданта, ни облегчение, с которым вздохнул пожилой османец и украдкой промокнул уголки глаз.

– О каком милосердии ты просила, женщина? – стараясь придать голосу суровость, заговорил он.

– Мой господин...

– Говори – «ваша светлость!» – буркнул стражник.

– Ваша светлость, прошу об одном: позвольте мне родить, а потом уж казните. Не дайте дитяти умереть вместе со мной...

Испуганно охнули в зале дамы. Старик-османец горестно опустил веки.

Герцог кивнул.

– Твоя просьба услышана. Господин судья, огласите обвинение.

Делая вид, что слушает, он прикидывал дальнейшие шаги, а заодно внимательно рассматривал того, кто был представлен суду, как обвиняющая сторона.

Молодой рослый жлоб. Холёные усы, глаза с поволокой навывкате... Красавец, на вкус кумушек своего круга, хоть и начал уже обрастать жирком. Впрочем, у них это входит в достоинства. А вот на носу и щеках – красные прожилки, как у тайного выпивохи. Кафтан дорогой, оторочен горностаем, а сапоги – со стоптанными каблуками, ношены-переносены. Богатая шапка – и золотые браслеты, сваливающиеся с рук, явно с более крупного запястья. Не иначе как успел поживиться в кладовых горячо любимого брата-покойника. А под кафтаном-то, поди, простая затрапезная рубаха, под стать сапогам; не успел наследство целиком к рукам прибрать, либо ума не хватило прийти на суд во всём новом.

И стоит-то как, держится, а? Соколом. Орлом. Обвинитель, да? Сам донос настрочил? Что-то чересчур раскованно он держится после доноса-то, не проверить ли ему спину? Сдаётся, тут не все формальности в порядке...

Внимательно, не перебивая, выслушал Роанского судью.

– Вина вдовы доказана?

– Точно так, ваша светлость.

– Коим образом?

Судья торжествующе развёл руками. Кивнул помощнику. Тот поспешно водрузил на стол для вещественных доказательств невзрачный флакон тёмного стекла.

– Вот, нашли в комнате подсудимой, ваша светлость. При применении одного зелья в качестве проверки на собаке та сдохла почти мгновенно. Естественно, из-за слишком большой дозы. Для господина Россильоне, надо думать, порция была отмерена меньшая, чтобы смерть наступила не сразу, но... преступница просчиталась, и последствия её злодеяния случились у всех на глазах.

Женщина в отчаянии затрясла головой, но тотчас зажала рот ладонью. Видимо, говорить без разрешения ей запретили.

– Бумаги, – коротко распорядился герцог. Не глядя, протянул руку, в которую судейский секретарь, другой, местный, тотчас вложил протоколы дела.

– ... Не вижу признания обвиняемой, – бегло просмотрев записи, отметил его светлость. – Почему оно не приложено?

Судья судорожно вздохнул.

– Его не было, ваш... ваша светлость.

– Совсем? Или она отказалась его подписывать?

– От... отказалась, ваша светлость.

– Даже после допроса с пристрастием?

– Точно так, ваша светлость.

– Вот как... Может, вы недостаточно тщательно проводили дознание? Мэтр Карр, – герцог кивнул коменданту тюрьмы, – пусть ваш мастер проверит, применялись ли к данной женщине методы предварительного дознания и в должной ли степени.

Проверка качества допроса, проведённого на месте расследования, являлась стандартной процедурой, организуемой не так уж и редко. Поэтому требование герцога никого не удивило. Женщину ткнули в спину, она, вздрогнув от боли, покорно встала со скамьи, придерживая плащ, только губы задрожали.

– Не волнуйтесь, милейшая, – успокоил её комендант, – пока никакого нового дознания не намечается. Мы всего лишь вас осмотрим, причём с полным соблюдением законности, в присутствии двух добрых женщин из народа. Найдутся ли дамы, готовые выступить в роли свидетельниц? – обратился он к сидящим в зале горожанам.

Конечно, дамы нашлись. Для такой цели на заседания всегда приглашали нескольких особ, познавших на своём веку многое и не падающих в обморок при виде некоторых подробностей, и хоть разбирательства с женщинами были редки – нет-нет, да и возникала необходимость в подобном освидетельствовании. У метра Карра были для того проверенные люди – и из купчих, и из простых швей, и даже из графинь, на случай, появившись в числе обвиняемых какая-нибудь аристократка.

Фотину увели в соседнее помещение, специально предназначенное для подобных процедур. Герцог меж тем поманил шустрого писаря, пожертвовавшего мантией, и кивнул на флакон. Писарчук без лишних слов подал требуемое. Жильберт д'Эстре просмотрел содержимое на свет, поболтал, определяя вязкость, и, многозначительно подняв бровь, вернул склянку писарю. Тот без колебаний быстро, но аккуратно вытащил пробку и, отстранив сам пузырёк, провёл ею несколько раз под носом, принюхиваясь. Затем помахал над горлышком ладонью, подгоняя к себе более концентрированный запах. Поспешно выдохнул, вогнал пробку. Даже со своего места герцог уловил горьковатый аромат миндаля.

Писарь глянул вопросительно, и, повинувшись знаку, отнёс склянку на место.

– Ваша светлость, – доложил возвратившийся комендант тюрьмы, пока подсудимую провожали к скамье. – Свидетельствую, что методы допроса были применены к данной женщине в надлежащей мере и с надлежащим усердием, без излишней жестокости. Хотя... при подобном хрупком телосложении можно было бы обойтись и меньшим.

– Сколько ударов плетью она получила?

– В общей сложности тридцать пять, в разное время.

– Хм-м-м. И не подписала признание, господин судья?

– Это из упрямства и страха, ваша светлость, – взяв в себя в руки, отвечал судья из Роана. – Она отпиралась до последнего. Она и сейчас упрямится! Но до какой степени цинизма нужно дойти, вообразите, чтобы держать яд у всех на виду!

– А ты что скажешь? – неожиданно обратился герцог к вдове. Указал на злосчастный пузырёк. – Что это? Ну, не бойся, просто скажи, что это такое.

– Я говорила... – голос женщины сорвался. – Сто раз уже говорила, они не верят... Это...

– Ну?

– Это средство для све... сведения родинок.

Она опустила голову от стыда. Конечно, её слова могли показаться нелепыми, но...

Родинки на теле до сих пор считались Инквизицией метками Дьявола. И признаться в их наличии было делом не всегда безопасным. Ничего необычного в том, что некоторые состоятельные дамы, да и озабоченные мужчины пытались иногда избавиться от столь ненужного «украшения». То, что на Востоке воспевалось в рубайях, в христианской стране могло стать поводом для оговора.

– Позвольте, ваша светлость? – подал голос мэтр Карр. – Да, у неё три родимых пятна вокруг пупка. Мы проверили: из каждого при вонзании серебряной булавки проступает кровь. Это не дьявольские метки, это просто пятна на коже.

Вдова зарыдала.

– А ведь объяснение-то простейшее. Почему вы ей не поверили? – ровным тоном поинтересовался герцог у судьи. – Или заранее решили, что она отравительница? Вы, слуга закона и мой слуга, лицо, в чьи обязанности входит творить суд праведный, забыли, что пока обвиняемый не осуждён, он считается невиновным? – Выдержал паузу. – А свойства ядов вам, слуге закона, известны? То, как скончался пострадавший, более всего напоминает картину отравления мышьяком, а в данном пузырьке – синильная кислота, и действует она несколько иначе. Мэтр Кордель, я отстраняю вас от дела – за допущенное небрежение, а также от должности – за некомпетентность. Последний вопрос перед тем, как вы снимете вашу мантию: к обвинителю, конечно, применялись меры предварительного воздействия? И показания с него были сняты не только до, но и после этих мер?

На судью из Роана было жалко смотреть.

Брат покойного, внезапно растеряв румянец, нервно заозирался. Он всё ещё не понимал, что Фортуна отвернула от него смазливое личико, вильнув некоей частью тела, возможно, весьма аппетитной в иных обстоятельствах, но сейчас – лишь довольно точно характеризующей перемены в его налаженной вроде бы жизни. Мэтр Карр, выразительно приподняв бровь, возложил руку на плечо младшего Россильоне:

– Пройдёмте с нами, любезный.

...Пальцы герцога выстукивали по подлокотнику затейливую дробь, когда сквозь плотно закрытые двери дознавательской прорвался вопль.

– Стало быть, предварительное воздействие не применялось, – задумчиво отметил его светлость. – Как же так, мэтр Кордель? Женщина, слабое от природы существо, получает у вас тридцать пять плетей – и не сознаётся в преступлении? Возможно, она и впрямь невиновна? А тот, кто на неё донёс, отделяется... чем? Здоровой спиной и... возможно, определённой значительной суммой? За сколько вы продали свою беспристрастность, мэтр? Впрочем, это выяснят другие. Сейчас же – извольте пожаловать под арест. А вы, милейший... Как звать?

Писарь с готовностью подскочил к креслу.

– Бомарше, ваша светлость. Огюст Франциск Бомарше, к вашим услугам.

– Передайте, что вместо пятнадцати плетей, положенных законом, я назначаю доносчику тридцать пять. Ровно столько, сколько по его оговору получила женщина. Снимите показания, а если будет запирается – подключите менталиста. После допроса – ещё десять плетей за подкуп судьи. Жду.

В замершем зале отчётливо слышны были шаги писаря, очередной крик боли, ставший громче, когда открыли дверь... и – всхлип женщины, у которой не выдержали нервы. Заметив, как подался к ней отец, герцог сделал знак стражникам. И вот, наконец, почтенный родитель сжал плачущую дочь в объятиях. Так они и сидели, поддерживая друг друга, пока не смолк четырнадцатый вопль и не послышался захлебывающийся рыданием чей-то бабий голос. С трудом можно было представить, что таким плачущим визгливым речитативом может говорить мужчина.

– Сломался, – уверенно сказал Винсент за спиной герцога. – Тут и менталист не понадобится, и оставшиеся плети...

– Получит после, – сквозь зубы процедил герцог. – Уж Карр проследит.

Через полчаса всё стало ясно. Мышьяк в абрикосовую настойку подсыпал купцу любимый братец. Он же пытался сразу после похорон соблазнить безутешную вдову, надеясь получить не просто временное опекунство до подрастания возможного наследника, о появлении которого собирались объявить на званом обеде. Нет, настоящему отравителю нужны были и

деньги, и красавица-жена, страстная и умелая, обученная, как-никак, любовной науке на самом Востоке... Но от вдовы он получил отказ, пощёчину и рассвирепел. И, конечно, нашёл повод, как ловко отомстить, а заодно перевалить собственную вину на невинную голову. В конце концов, не будет бабы – всё богатство покойного достанется ему одному, а в ожидании предстоящих золотых дождей можно не поскупишься на мзду для судейских, весьма существенную, риск-то большой... Кто ж знал, что сука-вдова, даже воя под плетьюми, откажется возводить на себя напраслину? Не добившись желаемого признания, заговорщики решили на разбирательствах по утверждению смертных приговоров подсунуть герцогу оное дело последним. Нелюбовь его светлости к отравителям, а в особенности – к отравительницам, была хорошо известна, и в том, что он, не глядя, отправит Фатиму на кол, сомнений не возникало. Кто ж знал, что герцог такой дотошный?

...Его светлость, наконец, встал для оглашения своей высочайшей воли. Вслед за ним с шумом поднялся на ноги весь зал.

– Рассмотрев предварительное решение суда города Роана о признании вдовы Фотины Россильоне отравительницей, оное не утверждаю. Признаю её невиновной. Как говорилось ранее, судья города Роана от должности отстраняется и отдаётся под следствие с целью выяснения возможных случаев принятия мзды, подобных нынешнему. Младший брат покойного, Питер Россильоне, как признавший свою вину, также отдаётся в руки правосудия. Его дело рассмотрим позднее, в особом порядке. Имуущество обоих преступных лиц конфискуется в пользу Фотины Россильоне в качестве компенсации за ущерб, причинённый её здоровью, и за выдвинутые ложные обвинения.

Взгляд светлейшего остановился на османце, прижавшем руку к сердцу.

– Как представитель вверенной мне провинции, приношу извинения невинно пострадавшей и её родственникам и надеюсь, что полученная компенсация позволит ей восстановить здоровье и благополучно родить и вырастить дитя, которое станет залогом мира между Галлией и дружественной нам Османской Империей.

В полной тишине откуда-то сверху раздались хлопки, как будто кто-то, не удержавшись, невольно зааплодировал. Герцог недовольно вскинул глаза...

... и улыбнулся, на миг позабыв, где находится. Увидел-то он немного: как в глубине хоров почти под потолком судейского зала поспешно прикрылась дверь. Но мелькнувшее нежно-лазорево платье успел узнать. Он сам, собственными руками, расправлял нынче утром каждую оборку на этом платье, а до этого – помогал надеть чулочки на стройные ножки, спрятавшиеся затем под небесно-голубым атласом...

Герцог опустил взгляд – и с досадой обнаружил, что османец, а за ним и все, кто находился в зале суда, склонились вослед голубому платью.

Чистота победы была смазана.

Демоны...

Теперь все подумают, что он вынес приговор не совсем беспристрастно, а рисуясь перед своей герцогиней. И не докажешь, что он только что узнал о её присутствии... Кстати, а что она тут делает? И как вообще здесь очутилась?

– Винс... – окликнул сердитым шёпотом.

– Прибыла в малой карете, – тотчас отозвался капитан. – С охраной, не волнуйся.

– Почему сразу не сказал?

– Чтобы не мешать.

Что ж. Победа, что ни говори, была чистой. Останется только кое-что уточнить...

– Проверь-ка ты на досуге этого чудо-эскулапа, который там затесался. Не был ли он подослан как-нибудь подстраховать младшего брата. Да заодно узнай, сам ли тот всё продумал, не торчат ли уши...

– Бриттского посла. Понял. Казни ты её – и мы бы ввязались в такую баню с османами...

– Кровавую. Им только дай повод. Ладно, Винс, на сегодня хватит. На сегодня довольно, господа судьи! – повторил он громко и властно. – Благодарю за верную службу.

«А с Мартой...»

Проходя мимо склонившейся в низком поклоне вдовы, снял с руки именной перстень и протянул женщине. Отныне род Россильоне находился под покровительством рода д'Эстре. Ответил на поклон седобородого, с прояснившимся ликом, отца и понял: кровавой бани не будет. Вот и славно. И неважно, что там судачат люди...

«А с Мартой придётся поговорить». Герцог шёл к выходу из ратуши, не замечая, как вновь на лице расцветает улыбка. «Непременно».

После духоты судейского зала свежий ночной воздух показался ему нектаром.

С козырьков над кучерскими сиденьями рассыпали и плавил искры фонари в хрустальных цилиндрах. На мостовой нетерпеливо перебирали тонкими изящными ногами лошади, запряжённые цугом. Перекидывалась взглядами, словно мячиками, охрана. Запрыгивали на запятки лакеи. Им всем хотелось домой. Домой! Всех ждал горячий сытный ужин, ласковое слово, любящий взор... Но это дома. А его, Жильберта, милый нежный взгляд поджидал прямо здесь.

– Поеду с герцогиней, – сообщил он Винсенту. – Можешь воспользоваться моей каретой. Тот усмехнулся.

– С твоего позволения, доставлю до места любящих дочь с отцом. Закрепим твоё обожествление.

Рывком распахнув дверцу с малым гербом д'Эстре, герцог запрыгнул в полумрак экипажа, минуя подножку, и ещё раньше, чем захлопнулась створка, сжал в объятьях свою главную драгоценность. Где он? Где твой взор, любимая? Дай утонуть в нём навечно.

– Ты самый лучший, – задыхаясь, прошептала Марта. – Ох, Жи-иль... как я волновалась! Да за такие слова...

Он замедленно, будто во сне, положил голову ей на колени, ощутив щекой прохладу атласной юбки, вдыхая тонкий аромат духов и юности. Слово не было тяжелейшего дня, грязи, гнусностей, лжи и пороков, приговоров и злобных воплей... Ласково глядя *своего* Жилия по голове, как маленького, она смахнула с него крепкой крестьянской мозолистой ладошкой всё пережитое. И не было в тот момент счастливее мужчины на свете. Завидуйте все, у кого нет такой женщины.

Немного позже он вскинется – и припадёт губами к её медовым устам, к душистым щёчкам, к трепещущей жилке на шее. Едва сдерживаясь от распирающего желания, скользнёт рукой под атласные юбки, по нежной голени, по упругой подвязке, добираясь до возделенного кусочка плоти, почти не защищённого одеждой; тронет нежное руно золотисто-рыжих завитков, невидимое глазу, но ласкающее пальцы, проникнет ещё дальше, в сокровенное женское, чтобы услышать сладостный стон, а затем смущённое: «Жи-иль! Что ты делаешь? Разве можно... здесь, в карете?» Можно, милая. Иначе я просто умру от любви...

Ночь свернулась над Эстре громадным чёрным котом, легла звёздным чревом на купола собора, на ратушу, на черепичные крыши, новые и в выщерблинах, на фонтаны и башни Гайярда, на кварталы ремесленников, на здание строящегося Университета... Добрые люди давно потушили огни и теперь предавались либо праведному сну, либо супружеским утехам, ибо природа человеческая брала своё, как в тесных каморках тружеников, так и в господских спальнях. Впрочем, в последних даже энергичнее. Многие мужья сделали стойку, подобно охотничьим псам, узнав от доверенных лиц – лакеев ли, цирюльника, развлекающего клиента беседой, приказчика, между делом сообщаящего полезные сплетни – что светлейшая чета, герцог и герцогиня, представьте себе, с самого первого дня благополучного воссоединения соизволят почивать в одной постели. А раз уж *сами* высочайшие супруги провинции подают пример

исполнения супружеских обетов, любви и согласия – их верноподанным тем паче следует поусердствовать в собственных опочивальнях. Ибо завещал Создатель первым людям: плодитесь и размножайтесь! Что и выполнялось с похвальным рвением, а в последнее время – особенно. Весьма вероятно, что лет через двадцать в славный город Эстре и иже с ним хлынет обильное пополнение в армии, гильдии ткачей и златокузнецов, пекарей и оружейников, торговцев и виноделов, и прочая и прочая. И, уж безусловно, возрастет число школяров и студиезов, учёных и медикусов, художников, музыкантов и поэтов. Ибо страна, подобно человеку, венцу творения, должна развиваться не только материально, но и духовно.

И горожане, независимо от сословия и ранга, и духовные лица, и селяне – все надеялись, что к тому времени подрастет и войдет в силу новый герцог д'Эстре. Он просто обязан появиться на свет, дабы стать новой опорой прекрасной Галлии и немало перенять от светлейшего отца, да правит тот множество лет мудро и справедливо. Ведь Жильберт Анри Рене не родился готовым правителем, а учился уму-разуму у благородного родителя. Старый герцог, как его за глаза называли, вопреки примеру многих венценосных особ не оттягивал с подготовкой наследника, а приставил к делу сразу после его совершеннолетия. Сперва доверил в полное управление поместье, затем присовокупил несколько деревень, затем поставил наместником в Фуа... Потом отправил в поездки по соседним странам, и не только для встреч с правителями, но и наблюдения ради: перенимать лучшее, выискивать, что может пойти на пользу отечеству.

Лет десять, а то и больше, обучал старый герцог Наследника. Государя. И когда в горести покинул этот мир вслед за горячо любимой супругой, Галлия осталась в таком же надёжном кулаке. Ни смут, как это частенько случается при смене власти, ни заговоров. Хоть несколько голов и полетело, но высокоумных голов, каких-то графёв да виконтов, которые вздумали воспользоваться кратким днём безвластия – когда до коронации нового герцога оставались сутки, ибо подготовка к церемонии, хоть и сжатая до предела, но всё же занимала время. Поговаривают, эта клика и отравила покойную герцогиню, да и на самого Старика покусилась, и что именно с этой поры молодой герцог ненавидит отравителей.

Хоть бы сладилось у него с новой герцогиней, хоть бы сладилось. Ох, как нужен Галлии наследник!

...Ночь дышала свежими ветрами с далёких морей, запахом сена, подсыхающего в полях, терпким ароматом виноградников. Здесь, за городом, вдали от бряцаний ночных дозоров и колотушек сторожей было не в пример покойнее. Правильно сделал монсеньор Эстрейский, избрав монастырь святого Бенедикта, своего небесного покровителя, резиденцией. Только тут, вдали от мирской суеты, обретаются душевное равновесие и благодать, и не только старцами, но и послушниками, что после нескольких часов обязательных каждодневных упражнений возносят благодарственную молитву, умиряя дух, распалённый воинскими, не совсем по чину, занятиями. «Не должно быть злости и ненависти в сражении, дети мои, – часто повторял архиепископ. – Гнев застилает разум, заставляет творить непотребства, а вы – чистые клинки Божии, разите только по справедливости и не вправе опалить себя страстями, ибо то – ржа на клинке. А потому обязательны для вас смирение и молитва в единении с Божьим миром, гармония и умиротворение. Келья – хорошо, но ещё лучше – лес, вода, чистое небо. Познавая совершенство, сам становишься лучше; вот она и благодать».

Часовой на монастырской стене перевёл взгляд на крупные, словно умытые ночной росой звёзды. Да, благодать... Чуден мир твой, Господи.

Тёмное пятно, невесть откуда взявшееся в безоблачном небе, перечеркнуло серп луны. Хлопанья крыльев монах не услышал, а вот размах оценил и поспешно схватился за амулет оповещения, мимоходом пожалев, что зря всё-таки не выдают караульным арбалет или пистоль, надеясь на охранную магию стен. Впрочем, тотчас устыдился сомнений в могуществе их духовного кормчего, ибо Бенедикт Эстрейский молитвой и благостной светлой магией, дарованной свыше, сам во время оно возвёл вокруг монастыря незримые барьеры от злых сил. Причём

один – по периметру стен, а второй, предупреждающий о приближении незваных гостей – в полулье отсюда, и на земле, и над землёй, и, даже, говорят, *под* землёй, ибо силы зла могут подобраться отовсюду.

Тому, кто сейчас стремительно пронёсся над головой монаха, незримая сфера не причинила вреда, стало быть, ночной летун угрозы не представлял. Но кто он, откуда, зачем?.. Покидать пост не годилось, а потому брат Симон воззвал мысленно к троице послушникам, дежурившим по разным сторонам света от него на той же стене. Нет ли непрошенных гостей, братие? У меня вот появился один, пока присмотрюсь, а вы поглядывайте, вдруг их несколько?

На часы всегда ставили востроглазых да дальноруких, которым усилительная молитва была без надобности. Прищурившись, смиренный служитель Божий вгляделся в тёмное пятно, сложившее крылья неподалёку от каштановой рощи, и невольно приложил руку к груди, унимая расшалившееся сердце. Неужели дракон? Да ведь их, почитай, лет десять не видно и не слышно. Аккурат с той поры, как оставил этот мир Старый герцог, а вместе с ним и его крылатые соратники, доказав тем самым верность единственному господину. Дракон – или драконид-оборотень? Нет, вроде бы не торопится обращаться...

И долго он там высидеть собирается? Если не в монастырь прилетел – тогда для чего? Каштанами полакомиться? Ещё рано...

«Вот дурень! – отозвалось в голове у Симона снисходительное. – Иных зс-с-сабот у меня нет, кроме ваших каш-ш-штанов...» Чужая мысль ощутимо стукнула по голове, чутко реагирующей на ментальные сигналы, заставив пошатнуться и невольно опереться на каменный зубец. «А-а, будущий менталист? Пос-с-стараюсь быть тиш-ш-ше... Нужно поговорить».

– Со мной? – ошеломлённо спросил Симон, встряхивая одуревшей от беззвучного зова головой и нашаривая на груди защитный амулет.

«Нужш-ш-шен ты мне... Позс-с-с-ови монс-с-сеньора, у меня к нему разс-с-сговор. Да не дёргайс-с-ся...»

Рука монаха, потянувшаяся к билу, подать на всякий случай звуковой сигнал, бессильно упала, пальцы разжались, упуская колотушку. И сам он как-то обмяк.

«Всех перебудуш-ш-шь, а это ни к чему. Ус-с-спокойся, я пришёл с миром. Девой Марией клянус-с-сь, что не причиню вреда ни тебе, ни тем, кто в этой обители. Не трезс-с-свонь и других не зс-с-сови, мне прос-с-сто нужно поговорить с Бенедиктом».

То, что дракон без вреда для себя поклялся Богородицей, как-то разом ободрило и успокоило. Значит... всё же из тех, мирных, которые когда-то служили герцогу и королю и многие добрые дела сделали. Прикоснувшись для ободрения к нагрудному кресту, брат Симон направился было к лестнице, ведущей во двор, как внизу, опережая его намерения, хлопнула дверь. Пропечатался по булыжникам твёрдый шаг бывшего кавалериста и рыцаря, невесть каким образом услышавшего зов ночного гостя. И опять всё стихло. Лишь минуту спустя звук шагов возобновился, но уже за стеной, снаружи. Видимо, его высокопреосвященство покинул монастырь через особый выход, не желая терять время на беседу с привратником и открывание тяжёлых ворот. Всмотревшись, часовой разглядел и сам силуэт архиепископа, отчётливо видимый на фоне плит мощёной дороги. Пастырь спешил, и казалось, что только собственный немалый вес да груз прожитых лет удерживают его от того, чтобы сорваться на легкомысленный бег.

И не было у их духовного отца с собой ни посоха, ни меча. А ведь не легкомысленный юнец, чтобы, не зная броду, соваться в воду, значит – соображает к кому направляется, и нет причин опасаться. Выходит, и в самом деле не надо поднимать шум. Но вот предупредить кое-кого из братьев особого отряда – следует. Мало ли... Пусть издали приглядят за архиепископом, так оно спокойнее.

... Бенедикт с чувством обнял дракона за шею. Обычный человек не выдержал бы подобного захвата, но тем и хорошо было общение с ночным гостем, что при нём не нужно сдерживать силу – ни телесную, ни духовную, ибо собеседники во многом равны.

– Старый друг, друг мой... Ты всё-таки вернулся...

Ящер внезапно отвернул голову, сердито стряхивая мощные руки архиепископа. Щёлкнул хвостом вроде бы в раздражении, но в свете луны громадные янтарные глаза подозрительно заблестели.

«С-с-скажи лучш-ш-ше – с-с-старый пень... С-с-семь лет вычеркнуты из жизс-с-сни, а кажется – с-с-сто с-с-семь... Похоже, я с-с-сглупил в своё время. Не надо было зс-с-сасыпать».

– Ты не мог поступить иначе, друг мой. Твоя потеря была слишком тяжела. Возможно, сон сохранил тебе разум, без этого ты бы впал в безумие, а чем бы оно закончилось – предугадать нетрудно. Однако что же мы здесь стоим? Обращайся, Арман, пойдём ко мне. Неужели ты решил, что я буду держать старого товарища на пороге? Пойдём же!

«Не торопис-с-сь... И безс-с-с того моё появление кто-нибудь да зс-с-саметит. Твои люди будут молчать, зс-с-снаю, но не утаишь шила в мешке, а дракона в небе, и вс-с-сегда найдётс-с-ся дурак, с-с-считающий зс-с-свёзды. Зс-с-савтра-послезс-с-савтра обо мне уже начнут говорить, так пусть с-с-судачат, как о диком, а о дракониде им зс-с-снать ни к чему».

– Понял, – тяжело ответил Бенедикт. – По какой-то причине ты не хочешь, чтобы о твоём возвращении узнали... раньше времени. А потом?

«Именно что раньш-ш-ше времени. Не хочу мешать некоторым с-с-событиям идти с-с-своим чередом, ибо должно с-с-свершиться то, что должно. Побуду пока в тени. Видишь, я по-прежнему интриган, только, наверное, с-с-седой, как ты. Впрочем, как погляжу, во всём ос-с-с-стальном у тебя порядок. Молодец, держишь себя в форме».

– В строю, Арман.

«Молодец. Вот что...»

С едва слышным шорохом распрямились крылья. Встопорчился зубчатый гребень на хребте.

«Ещё не зс-с-сабыл, как это делаетс-с-ся? Хочу проверить, потяну ли я с-с-седока. Рискнёш-ш-шь?»

Вместо ответа архиепископ шагнул на предусмотрительно согнутую в колене драконью ногу, которая тотчас подбросила его вверх. Ухватился за крыло – не за тонкую деликатную перепонку, а за основание, в месте сочленения со спиной – и привычным, как оказалась, ничуть не забытым движением забросил мощное тело меж двух костяных пластин. Как в своеобразное седло. Почти сразу ощутил, как под бёдрами напряглись бугры драконьих мышц, заходили ходуном, перекатываясь под чешуёй, и вот уже хлопнуло воздушной волной по ушам, и земля, без того не особо различаемая во тьме, ухнула вниз и пропала. Луна стремительно откатилась вбок, но через несколько мгновений вновь засияла на положенном природой и Творцом месте – это дракон, набрав высоту, выровнял траекторию полёта.

Только привычка к сдержанности не позволила Бенедикту заорать от полноты чувств, подобно маленькому Николасу Карру, когда тот получил разрешение поступить в отряд юных послушников. Ребёнку не возбраняется выражать радость неумеренно и бурно, мужчине же в летах это ни к чему. Но всё-таки... Он зажмурился, подставив лицо встречному ветру, и позволил себе полностью отдаться восхитительному чувству *полёта*, ни с чем несравнимому. Видимо, и летуну было хорошо, потому что, несмотря на молчание мысленное, до Бенедикта доносились чужие эмоции: восторг, наслаждение мощью, упоение собственной силой, ощущение полной свободы и... счастья.

Да, счастья.

Арман не проронил ни слова, пока они облетали спящий Эстре. Отсюда, с высоты птичьего полёта, город выглядел фантастически, словно сошедший с полотен мессира Босха. Туск-

лым жемчугом светились цепочки фонарей на центральных улицах, черепица крыш в лунном свете сверкала и переливалась, словно драконья чешуя, стройными иглами вонзались в небо шпили колоколен и городской ратуши. Словно в подтверждение фантастичности происходящего, с одной из краеугольных башенок собора Серафима Эстрейского сорвалась и ринулась навстречу крылатая тень. Длинная морда ощерилась пилами зубов, но тотчас её поглотила струя жаркого пламени, полыхнувшая, как показалось, прямо перед глазами епископа. Вряд ли каменной горгулье повредил живой огонь, всего лишь отпугнул. Но, как понял Бенедикт, старинному приятелю не терпелось проверить вновь обретенные возможности, в том числе и огнемётные.

Когда к Бенедикту после ослепляющей вспышки вернулось зрение, они уже пересекали реку. Старый заброшенный лес гостеприимно раскрыл им объятия.

«Я был неправ, – таковы оказались первые слова ящера. – Хоть и понадобилось-с-сь время понять... С потерей женщины ещё возможно с-с-счастье. Потому что – ос-с-стаётся небо, а уж его-то никто у меня не отнимет».

– Остаются ещё и дети. И друзья, – с упрёком сказал Бенедикт.

«Прос-с-сти. Это так. Но горе ос-с-слепляет».

– Не будем к этому возвращаться. Ты ведь не зря принёс меня сюда?

«Угадал. Зс-с-сагляни в дупло вон того дуба. С-с-сейчас подсвечу...»

От точечного огненного плевка загорелась хиленькая берёзка, согнутая в дугу древесным недугом и окончательно усохшая. Лёгкая защитная сфера окружила пламя, и можно было не опасаться, что оно перекинется на соседние деревья. В свете этого импровизированного факела архиепископ Эстрейский с интересом разглядывал старую книгу в потемневшем и малость покоробившемся от времени переплёте.

«Там зс-с-сакладка, открывай».

По мере зачитывания на широком лбу архиепископа всё глубже обозначалась морщина. Бенедикт дважды пробежал глазами текст, затем без подсказки открыл страницу на второй закладке. Задумавшись, опустил на столь любимый Мартой пенёк.

Потёр щеку.

– Однако...

Вслушался в тишину. Похоже, небольшой костерок в отдалённой от Гайярда части леса пока не привлекал внимания.

– Рассказывай. Как это у тебя очутилось?

«Некая прелес-с-стница дос-с-с-тавила мне сей раритет прямо в лапы. Жаль, что ты – святоша, уж я свёл бы тебя с этой Изс-с-сольдой, право с-с-слово. Она... хороша. Да, хороша. И уж безс-с-сусловно, умна, трудно ей будет с новым мужем, разс-с-све что с таким же умным, как ты... Но в с-с-сторону это. Ты вс-с-сё понял. Мне нужны с-с-сведения об Артуре. Само с-с-с-семейство я помню, нас-с-с-слышан, но что с ними сейчас, живы ли, учас-с-с-ствуют в политических игрищах или затаились, в фаворе или с-с-с-нова в опале? Что-нибудь с-с-с-слышно о нём с-с-самом, или он так и с-с-с-сгинул? К... тому, о ком ты с-с-с-сейчас подумал, обращайс-с-с-ся не хочу – пока не готов. А у тебя свои ос-с-с-сведомители, и не худшие. Я вес-с-с-сма на тебя рас-с-с-считываю, мой старый друг».

– Вот теперь верю, что ты окончательно ожил, – беззлобно усмехнулся Бенедикт. – Жажда жизни и жажда действий всегда были в тебе неистребимы. Как и любопытство.

«Хм-м-м... Точно. Не будь его, я однажды прос-с-с-сто пролетел бы мимо дрыхнувшего в с-с-самый солнцепёк пос-с-с-среди пустыни безс-с-с-сумца... Любопытс-с-с-ство иногда оборачиваетс-с-с-ся с-с-с-спасением для некоторых оболтус-с-с-сов. Но не отвлекайс-с-с-ся».

– Ты так заинтересован в судьбе этой девочки?

«Она мне понравилас-с-с-сь. Да и тебе, я зс-с-с-снаю, тоже. С-с-с-слышал, ты даже отправил зс-с-с-сапрос в Ватикан?»

– Да, но для ответа ещё рано. Полагаю, гонец уже там, но нужно время, чтобы попасть на аудиенцию к Папе, и на принятие им решения, и на то, чтобы перевернуть архивы и хранилища. Это в лучшем случае. В худшем – Аврелий может тянуть с ответом бесконечно. Впрочем, он избран недавно и не успел проникнуться собственным величием и рутинным духом, а потому я надеюсь на скорый ответ. К тому же есть кое-что, чем он, как человек просвещённый, заинтересуется.

Они помолчали.

«Лорентье, – не спрашивая, а утвердительно проговорил дракон. – Жанна-дева и её потомки. Я прав? Но ты с такой лёгкостью отдашь малышку в руки Инквизиции? Не ожидал. Или я чего-то не знаю?»

– Жанну-деву полностью оправдали судом светским и духовным много лет назад. Ты действительно этого не знал. А в свете того, что слухи, связанные с её происхождением, похоже, подтвердились...

«Хм-м-м. Да, это многое объясняет, в том числе и мои догадки. Вот тебе и поцелуй невинной девы!»

– Не понял?

«Это я о своём... Ватикан, говоришь? Он немного ближе Оловянных Островов, может, начать с него? Как думаешь?»

– Хочешь ускорить события?

«Всего лишь сократить твоему человеку время на обратную дорогу. А сразу и сразу кое-что на месте, ведь у его святейства свои источники информации».

– Арман! – Его высокопреосвященство взглянул с тревогой. – А ты не переоцениваешь свои возможности? Ты уже летал до сегодняшней ночи или только встал на крыло?

«Только. Однако силы прибавляются с каждым часом, к тому же – одна из самых светлых тебе собак умудрилась вживить в меня два сапфира, а это дорогого стоит. У меня к тебе просьба: приглядывай за ней. Жаль, не смогу выполнить своего обещания, она так хотела со мной покататься, но, может, позже...»

– Пригляжу. Она непременно придёт навестить мальчика, которого я опекаю. Либо мы встретимся у сестёр-урсулинок.

«Прекрасно. А теперь, пока не рассвело – давай, наконец, поговорим обо всём, что без меня творилось в мире. Сведения, полученные от вчерашней деревенской девочки и от дамы, не бывшей в свете больше десяти лет, слишком обрывочны и наивны, а мне нужно знать, чем живёт Галлия и её соседи...»

Берёза дотлела и рассыпалась на угольки. Потускнели и стали будничными и неинтересными крыши и шпили города. Каменная горгулья, как ни в чём не бывало, сидела на постаменте, и лишь изрядно подкопчённая морда свидетельствовала, что с ней что-то не так. Впрочем, снизу, с мостовой, этого не было заметно. Туман лёг на Эстре, благословенный туман, знаменующий о предстоящем погожем дне уходящего лета и позволяющий дракону почти незаметно отнести седока к стенам монастыря святого Бенедикта.

Послушники, монахи, служки, звонари, мирские наёмные труженики – все низко поклонились архиепископу, встречая у открытых ворот. Многожды достоин уважения и поклонения пастырь, приручивший мифическое чудовище, и счастлива его паства. Благословенны будьте, ваше высокопреосвященство; счастлива земля, по которой вы ступаете! Не забудьте же в своих молитвах и нас, грешных...

Глава 3

Многомудрый Суммир ибн Халлах, почтеннейший отец злополучной Фатимы, не в добрый час пленившей взглядом из-под чадры заезжего торгового гостя-гяура, пребывал в вели-

ком затруднении. Уж миновала полночь, отзвучали с женской половины причитания рабынь и служанок над бедняжкой Фатимой, девочке были выделены отдельные покои, где она, наконец, смогла забыться тяжёлым, но вольным – вольным! – сном. Давно пропел муэдзин на макушке невысокого минарета посольской мечети, возвещая о полуночной молитве; восхваления и благодарности принесены, пожертвования сделаны. С почтенным Омаром Юсуфом ибн Шайрифом, консулом, договорено о проживании в посольстве ещё неделю-другую, а то и месяц, ибо, по предварительным сведениям, дом Россильоне был разорён клеветником и в нынешнем своём состоянии выглядел слишком непристойно, чтобы везти туда молодую вдову. Да пребудет с невинно убиенным мужем милость пророка Исы и девы Мириам бинт Имрам! Покойный, надо отдать должное, был достойным человеком и хорошо заботился о супруге, жаль только, не разглядел, какого брата-змею пригрел на груди. И теперь почтенному ибн Халлаху предстояло принять под свою опеку обширный особняк в Роане, изрядно обобраный нечистым на руку деверем его дочери.

Тьфу! Говорят, этот бессовестный даже поснимал со стен драгоценную шёлковую обивку, чтобы набрать на благодарность мздоимцу-судье, ибо собственными капиталами не располагал, будучи гол и нищ, а продажное правосудие требовало вознаграждения немедленного. Так шептали до сих пор пребывающие в страхе супруги Лантре, дворецкий и экономка, коих «новый хозяин» выставил из дома почти сразу после ареста оговоренной им жертвы, не дожидаясь обвинительного приговора. Несчастных допрашивали в Роанском суде, но не сочли нужным пригласить на суд его светлости, что, разумеется, было ещё одним нарушением, отягощающим вину и разоблачённого преступника, и судии, позабывшего свой священный долг.

Особняк Россильоне требовалось привести в порядок, дабы бедняжка вдова могла с достоинством вступить в его стены обновлённой и оправданной, и дабы затем внуку досточтимого Суммира родиться и расти под достойным кровом.

Кроме того, нужно было проверить поместье неподалёку от Эстре, в которое, как надеялся купец, не дотянулись ещё нечистые руки отравителя и лжеца, да сбежит от него к Иблису собственная тень, и да разверзнется земля под его нечистыми стопами, и чтоб ему до конца дней своих не видеть солнца! Поморщившись и растерев защемление в груди, почтенный Суммир отогнал от себя гневные мысли. Хвала Всевышнему: благодаря Его милости, справедливость свершилась, а значит, последует и возмездие, и не подобает правоверному распалать себя, ибо пожелание мук и без того осуждённому не есть добродетель. В который раз Всемогущий доказал милость к чадам своим, стало быть, и в том, что преступные деяния будут наказаны, можно не сомневаться.

Одно смущало почтенного купца. Из изречений мудрецов он давным-давно усвоил истину: «У Творца нет рук, кроме ваших!» Воистину, так! Ведь не сам же Он спустился в зал суда ныне вечером, нет; орудием справедливости он назначил премудрого правителя чудесной страны Галлии, да сияет вовек солнце на её лазурном небосводе! Но если должное воздалось и невинно оболганной овечке, и паршивому шакалу – значит, кто-то должен стать руцой всевышнего, дабы вознаградить того, кто говорил Его устами. И не он ли, старый Суммир, щедро раздающий помощь неимущим и никогда не плодящий долгов?

А ведь сейчас он чувствовал себя должником, ох, каким должником! На его памяти скорый суд редко бывал справедливым, как, впрочем, и нескорый. Последний, по крайней мере, в силу затянутости давал возможность хоть как-то помочь родному человечку: похлопотать, дабы томили не в сыром каменном мешке с крысами и не плесневелую корку швыряли, но содержали в условиях, приличествующих благородному мужу... А тут – не муж, но дочь уважаемого семейства, создание по природе своей слабое, привыкшее к неге и уходу, как цветок. Почтенному купцу неведомо было, в каких условиях содержались женщины в зинданах – хвала Аллаху, за всю свою жизнь у Суммира не было ни малейшего повода интересоваться оным предметом. Но... Кысмет, Судьба распорядилась по-своему, и волей-неволей, но пришлось

многоумудрому узнавать о том, что было ему глубоко противно и безрадостно. А вот многие отцы на его месте и бровью не повели бы: дескать, подумаешь, дочь, был бы сын – из трёх шкур вывернулись, но выручили...

Купец свою дочь любил горячо и трепетно, ибо была она единственным плодом союза с обожаемой женой, и так уж они горевали, что не дал Аллах им больше потомства... Да только вскоре после рождения Фатимы подхватил незадачливый Суммирчик в одной из поездок лихорадку, такую, что в их краях не водилась, вот и выжгла она ему семя, и пришлось благородному мужу распрощаться с мечтами о наследнике. Когда по воле небес лишился он старшего брата, и осталась после того безутешная вдова на сносях – тут бы и взять её младшей женой, да и растить племянника, как родного сына, но не вышло. Невестку он обеспечил честь по чести, довёз до соседнего Измита и сдал на руки среднему брату во исполнение семейного долга. Но в свой дом так и не ввёл, хоть и хороша была. Ибо ещё при женитьбе дал своей прекраснейшей Гюльчатой нерушимую клятву, что никогда не ступит в его дом иная женская ножка – ни второй или третьей жены, ни наложницы, ни рабыни для утех, и ничья женская рука, кроме прекрасной ручки дорогой супруги, не станет подавать ночные туфли и наливать сладкий шербет в узорчатую пиалу. Клятву ту потребовала от будущего супруга невеста, едва получившая вольную и только-только начавшая привыкать к новому имени, хотя и прежнее, христианское, ей подходило неимоверно – Роза-линда, Роза, как до сих пор наедине называл её всё ещё влюблённый седобородый муж. Роза из далёкой страны Галлии...

Нет, ни разу не пожалел ибн Халлах о клятве, ибо прелестная Гюльчатой, даже приуяв немного, не растеряла ни прелести своей, ни звонких песен, ни рассудительности вперемешку со смешливостью. И лишь однажды в чудесном её голосе прозвучала грусть, а во взгляде мелькнула затаённая тоска: когда посватался к дочери купец из далёкой-далёкой страны франков и галлов, родины Розы. «Хоть бы дочка вернулась вместо меня, – шептала Гюль, – ах, хоть бы... Посмотрела бы на цветущую лаванду, прошлась по улицам родного моего Лисса, если он ещё цел, глядишь – узнала бы что о моих батюшке с матушкой. Живы ли? Всё на свете отдала бы, чтобы хоть глазком повидать!»

Потому и выдали дочь – вроде не за мужа, а за его Галлию, чтобы вместо матери пожила там счастливо. Жаль, долгожданной весточки Гюль не получила, скончалась внезапно, и недели не прошло, как дочка отбыла в чужие края.

О женихе Суммир долго расспрашивал у сотоварищей по торговым рядам, благо Россильоне уже третий раз навещался в столицу Османии. То, что о нём сообщали, рисовало его со всех сторон положительно. Умён, хоть и молод, расчётлив, но в меру, интересы свои купеческие блюдет – но также в меру. Хоть и христианин, но к истинной вере относится с уважением, и с лицами духовного звания ведёт себя с почтением, мало того – удостоен чести стать поставщиком различных иноземных диковинок в коллекцию высокоумудрого и учёнейшего имама Абу Мохаммада ибн Идрис аш-Шафии.

Нет, не думал старик, отправляя дочь в дальнюю страну, что выпадет ей такая ужасная доля! В невиновности собственного дитяти не усомнился ни разу – с момента, как странный мохноногий голубь принёс известие в галльское посольство, и до того, когда, едва выйдя из повозки, утомленный долгим морским путешествием, а затем почти суточной тряской по пыльной дороге угодил в лапы каких-то странных господ. Те, чудно картавя, поспешно поставили его в известность, какое страшное обвинение вынесено его маленькой Фатиме, как скверно с ней обращаются, как страшен и непреклонен герцог Эстрейский, коему остаётся утвердить или отклонить смертный приговор – а уж он непременно утвердит, в силу желчности и злобного характера... И что лишь вмешательство в лице покровителя со стороны великой державы, всегда сочувствующей политике Константинополя, поможет смягчить приговор или хотя бы отсрочить его выполнение.

Ошеломлённый натиском назойливых гяуров, разряженных, словно женщины, в кружева, оглушённый их страшными словами, придавленный чужой настойчивостью, старик едва не сдался. Он уже готов был подписать какие-то бумаги, которые подсовывали сочувствующие незнакомцы, но... Пра-прадед Суммира был торговец, прадед – купец, дед – купец, отец... Стоило ли говорить, что подписываться незнамо под чем было не в привычках потомственного торговца? Да его среди ночи разбуди и подсунь под нос долговую расписку, пусть даже не требуя деньги, а желая вернуть – и он поднимет весь дом, зажжёт лампы, перечитает документ от Алифа до Йа¹, просмотрит на свет – нет ли тайных знаков, трижды переспросит посетителя, туда ли он пришёл, и только тогда соизволит ему поверить. Вот и сейчас: голос крови не позволил совершить безрассудство. Упрямец решил присутствовать на суде сам – благо, что в пути было, у кого расспросить об обычаях галлов и способах ведения дел, в том числе и судебных. Потому-то решительной рукой он отстранил сомнительный пергамент вместе с теми, кто его подсовывал, и двинулся навстречу прибывшему, наконец, османскому послу, которому не с руки было разгонять галдящих... бриттов, да, бриттов, так их называл почтенный Омар Юсуф ибн Шайриф. Нельзя допустить скандала, иначе возникнет инцидент с возможными политическими осложнениями...

Там, в суде, он не сразу заметил светлейшего правителя Галлии, всё внимание было поглощено дочкой. Бедная, бедная, в каком жалком виде, в каком рубище... И как она ёжится, когда грубая ткань задевает спину; неужто её бичевали, как настоящую преступницу? Гнев, ужас, отчаянье, жалость – всё смешалось в его сердце, грозясь разорвать его изнутри. Он уже раскаивался, что не пошёл на поводу у бриттов, ибо нельзя допускать, что порядочную женщину, дочь уважаемого и состоятельного человека, выставляют в столь уничижающем обличе. Бесстыдники галлы, они не оставили ей даже куска ткани прикрыть лицо, чтобы хоть как-то спрятать глаза от эдакого позора!

– Почему обвиняемая в таком непотребном виде? – услышал он холодный голос. Властитель хоть и глядел равнодушно, но слова говорил *правильные*, верные, и, несмотря на то, что миг назад старик думал, будто дочь обречена – в душе зародилась надежда. Может, не зря твердят о справедливом суде герцога д'Эстре, и найдётся в его сердце капля милосердия к невинно оклеветанной девочке? Он готов был облобызать и прижать к груди маленького шустрого человечка, который, легко перемахнув барьер, укутал его Фатиму в широчайшую хламиду с собственного плеча, словно повторив милосердный поступок христианского святого Мартина. Какой камень свалился с души отца, убитого горем! И вот – он уже весь обратился в слух и жадно ловил каждое слово, благословляя свою любимую Розу, которая настояла, чтобы муж выучил галльское наречие, дабы самому, без толмача, суметь торговать, буде случится на её родине...

Потом, когда всё решилось благополучно, он обнимал свою дорогую девочку, не чаявшую уже спастись и вдруг получившую не просто помилование, а полное оправдание, вот что важно! Обнимал и плакал вместе с ней. Но вот что-то будто толкнуло, заставило поднять голову, обернуться и глянуть наверх. Там, на затенённых хорах, он успел разглядеть, несмотря на то, что очи застилала влага, прелестную пери, райскую гурию со станом тонким и гибким, с золотыми локонами, рассыпавшимися по плечам. Лик гурии скрывался за кружевной вуалью, но, без сомнения, он был прекрасен. Ибо лишь само совершенство могло вызвать улыбку у сурового правителя, только что восстановившего справедливость. Старик и сам впоследствии не понимал, как он умудрился разглядеть столь много за какие-то несколько секунд, но... Бывают в жизни озарения, дарованные свыше, вот одно такое и посетило, дав понять, кому он обязан высочайшей милостью.

¹ Первая и последняя буквы арабского алфавита

И тогда почтенный и уважаемый купец, Суммир ибн Халлах, глава Торговой Морской Компании Истамбула, друг детства самого султана, до сих пор входящий в его дворец как один из самых желанных гостей – низко-низко поклонился вслед скрывшемуся из глаз лазоревому платью и золотым локонам, вокруг которых, казалось, так и лилось ангельское сияние.

А немного позже молодой русобородый мужчина, который до этого всё время держался по правую руку властителя – не иначе как визирь – возник прямо перед ними и предложил помощь. Это было весьма кстати, ибо от неожиданной радости на купца нашло лёгкое умопомрачение, и он никак не мог сообразить, что им с дочерью сейчас делать, куда податься? Надо бы увести её в ближайшую гостиницу, потому что нынешний дом Фатимы – не менее чем в трёх-четырёх фарсах пути, а сейчас глубокая ночь. Но на чём ехать, и можно ли здесь нанять хотя бы арбу?

– Позвольте довести вас до посольства, – учтиво сказал синеглазый визирь. – Его светлость герцог предоставил в ваше распоряжение карету.

Всё разом встало на свои места. Мир, ранее осыпавшийся тысячью осколков, вернулся в свои границы, бытие обрело смысл, а существование – цель: увести дочь из этого страшного... нет, благословенного места, где, вместо известия о мучительной казни, она обрела свободу и уважение. А как ещё понимать драгоценный изумруд с герцогской руки, перекочевавший на палец его дочери? Но хоть место и благословенно – покинуть его хотелось немедленно.

И столь велика была благодарность отца и дочери, что за не слишком долгий путь к посольству османской империи они успели выложить чрезвычайно внимательному визирю со странным званием «Ка-пи-тан» историю их обоих. Никогда ещё не доводилось почтенному старцу встречать слушателя столь внимательного и учтливового. Визирь сочувствующе кивал, иногда уточнял и переспрашивал, но делал это столь ненавязчиво, что Суммир и сам не заметил, как выложил всю подноготную о себе. И вдруг задумался: ах, как бы поинтересоваться, да чтоб не слишком назойливо: женат ли этот вельможа? А если нет, то свободен ли, не помолвлен? И насколько состоятелен? Даже если и небогат – теперь у его дочери благодаря вдовству, хоть и нежеланному, да ещё и щедрости герцога, приданое куда большее, нежели при первом замужестве, хоть и тогда отец не поскупился. Впрочем, несмотря на неброский наряд ка-пи-та-на, почтенный купец по достоинству оценил и шпагу работы толедских мастеров, саму по себе стоившую целое состояние, не говоря уж о дополнении в виде россыпи драгоценных камней на эфесе; и пряжку с огранённым изумрудом в простой оправе, придерживающую перо на тулье. А ещё мудрый сын Востока чувствовал Силу, исходящую от собеседника. Силу, Власть, Мощь. Будто сам всемогущий властитель, а не просто его доверенное лицо, сидел перед ними. О-о, старик Суммир тонко разбирался в этих нюансах души человеческой, ибо наглядился при дворе своего державного друга на многое и многих...

Стремительно разрастающемуся плану относительно устройства дальнейшей судьбы дочурки помешало прибытие в посольство. К глубочайшему сожалению отца и дочери, визирь их покинул. Впрочем, как оказалось, ненадолго: он переговорил со стражей, вызвал начальника и волею герцога д'Эстре велел пропустить карету с двумя подданными Османской империи непосредственно к жилому крылу. Сердце пожилого купца в который раз растаяло, как кусок масла под жарким полуденным солнцем: ах, какой наимудрейший, какой восхитительнейший молодой человек, как тонко знает наши обычаи! Не допустил, чтобы на женщину, пусть и закутанную до самых бровей в плащ, глазели посторонние. А ведь даже в чужой стране нужно блюсти обычаи Великой Османии, особенно здесь, на её крошечном островке...

– Будет ли мне позволено встретиться с вами снова, по одному деликатному вопросу, уважаемый господин Модильяни? – осведомился почтеннейший напоследок. И, получив утвердительный ответ, окончательно укрепился в своём решении – разузнать как можно подробнее об этом достойнейшем и благородном муже.

А встретиться, конечно, надо было. Хотя бы для того, чтобы уточнить, каким образом отблагодарить светлейшего герцога за оказанное благодеяние. Достаточно ли осведомлен Омар Юсуф ибн Шайриф о нраве и привычках государя провинции? Что тому понравится, а что может разгневать? Люди, конечно, везде одинаковы и любят получать благодарности, но как знать – не истолкует ли его дары превратно тот, кто, как утверждают, гордится своей беспристрастностью?

Суммир задумался. Воззвал к ещё крепкой памяти – и мысленно поставил рядом своего солнцеподобного друга – Великого султана Баязеда – и Великого герцога прекрасной Галлии. Властители разных держав, овеянных милостью разных пророков, были, тем не менее, неуловимо схожи, и не внешностью – сутью. А значит, что пришлось бы по нраву одному, могло подойти и другому. Вспыльчивый Баязед мог и оскорбиться, получив богатый подарок от семьи оправданного счастливец, ибо считал, что справедливость естественна, праведный суд есть священный долг правителя, и единственной благодарностью может быть ещё большая вера его народа и благоволение Аллаха. Всё, что более того – от Иблиса, и недостойно правителя. Впрочем, некоторые, особо желающие выразить обуревавшую благодарность, шли на хитрость: преподносили дары, предназначенные для жемчужин его гарема, дабы те ещё более тешили взор сиятельного господина своей небесной красотой. Своих «жемчужин» Баязед любил, к слабостям их относился снисходительно и, как правило, побаловать красавиц не отказывался. Отчего бы и Суммиру не придумать нечто подобное?

Но вот беда – у этих галлов нет гаремов...

Зато достоверно известно, что у светлейшего герцога есть любимая и единственная златокудрая пери. И что мешает счастливому отцу чудом спасённой дочери порадовать небесную деву какой-нибудь приятной безделицей?

Но... тоньше надо действовать, тоньше. И уж непременно посоветоваться с синеглазым визирем.

Гарема – в европейском понимании этого слова – у светлейшего герцога, конечно, не имелось; но вот то, что в восточных домах обозначалось как «харам» – «женская половина» – разумеется, присутствовало. И столь учтивому и воспитанному «синеглазому визирю», что произвёл на восточного гостя незабываемое впечатление, нет-нет, да и приходилось не то чтобы вмешиваться в управление этим своеобразным государством, но подправлять директивы и указания своей грозной матушки, а иногда и просто помочь. В решении хозяйственных дел госпоже Аглае Модильяни не было равных; но даже у неё порой возникали вопросы весьма... м-м-м... щекотливого характера, за решением которых она не считала зазорным обращаться к сыну. Да, конечно, кому, как не ей, знать характер, привычки и обычаи герцога д'Эстре, которого она вскормила и вырастила, и как он поведёт себя в ответ на то или иное нововведение. Но у матушки Аглаи, хоть и не разбирающейся в политике, хватало ума понять, что маленький Жильберт, которому она когда-то выговаривала за детские шалости и шлёпала по рукам за воровство ягод с грядки, и нынешний Его Светлость – не одно и то же. Какая-то мелочь вроде невнимательного или безответственного подхода к найму работницы или к ужину для важного гостя может навредить не только хозяину, но и всей провинции. А потому – иной раз, прежде чем распорядиться, нелишним будет посоветоваться.

Оттого-то нынешним утром её сын, первый умница в Галлии после Жильберта, как считала домоправительница, внимательно изучал письмо коменданта Александра Карра. Не менее внимательно затем исследовал узор декоративной решётки на высоком окне матушкиной опочивальни. Пощипал в задумчивости русую бородку. На раздражённо-вопросительный взгляд родительницы повёл плечом, сверкнув золотым шитьём перевязи:

– Что ж, всё в руках Всевышнего, матушка. Помнится, вы неоднократно указывали этой девице на недопустимость её поведения.

– Дважды, лично. Ты же знаешь, третьего раза у нас не бывает.

– Вот она и не стала дожидаться. – Капитан рассеянно похлопал конвертом с тяжёлой печатью о ладонь, спохватившись, вернул послание. – Нелишним будет в общих чертах оповестить ваш штат о том, каковы могут быть последствия гордыни и несдержанности прислуги. И... Не стоит о ней сокрушаться.

– Было бы о ком, – негодуяще фыркнула госпожа Аглая. Скинула с колен кошку, от удовольствия запустившую было когти в хозяйские юбки. – Пустая девка, слишком много о себе возомнившая... Плохо, что сунулась, куда не надо, а я не уследила.

Кинула мурлыке цветной клубок, отгоняя от кресла, и без того исполосованного когтями, заёрзала, словно от неудобства. На самом-то деле, и кресло было хорошо, и скамеечка под ногами, и сладкий морс в кувшинчике под рукой, на низеньком столе... И день вроде бы славно начался – с приезда сына, нечасто он балует мать визитами: всё в казармах, да по делам. А поди ж ты – снедало беспокойство.

– А ну как эта мерзавка ещё кому наболтала? – выдала наболевшее. – Хоть подружек у этой стервы отродясь не было, и вряд ли она с кем сговорилась...

– Но со двора всё-таки ускользнула, матушка, хоть и должна была у вас соизволения испросить. Да ещё до самого Карра добралась.

Как ножом по сердцу полоснул сыночек, хоть и без упрёка вроде бы бросил. Аглая нахмурилась. Справедливо.

– Моя вина. Проглядела. Значит, спелась с кем-то, вот и вывезли её в возке тишком. Проверю. Мне тут шашни за спиной ни к чему.

– Проверьте, матушка. Не только шашни, но и люди, что ради хорошенького личика свой долг нарушают, нам ни к чему. Выходит, – капитан будто бы что-то прикинул в уме, – место у вас теперь свободное? А чем, собственно, занималась она девка?

– Дел, что ли, мало по дому? Поначалу-то, конечно, когда... – Матушка Аглая запнулась, подбирая слово, – когда первая герцогиня сбежала – эту поганку Флору не трогали. Отсиделась в подвале в основном для острастки. Ей ведь госпожа-то не особо доверяла, всё больше с Люсьен шушукалась, вот Флору и заедало: она, мол, предана как собака, а секретничают с другой. Зато ту, другую, на дыбу сразу и отправили... А эту – я сперва на кухню отослала, да только из её белых ручек всё так и валилось, убыток один; а потом приставила к кастелянше. У Марии, видишь ли, в прачечной девушка кипятком обварилась, пришлось срочно заменить.

– Теперь, получается, у вас в хозяйстве нехватка рук?

Аглая сощурилась.

– А что это ты такой заботливый стал, дорогой сыночек? Опять что-то задумал?

– Только о вас пекусь, матушка, о ваших интересах, дабы голова у вас не болела. А для этого ни одно место во вверенных вам войсках не должно пустовать. Вы когда собираетесь в гости к Бланш? На днях? У неё на подхвате завелась одна ловкая особа, шустрая, исполнительная, а главное – думающая, что, где и кому можно сказать. Не дерзит, себя помнит. Приглядитесь. Может, возьмёте.

– Для себя или для тебя? – напрямик спросила мать, сверля сына взглядом.

Не хватало ей очередной вертихвостки под носом! Но в то же время материнская практичность твердила, что возможных «душенек» великовозрастного сыночка куда полезнее держать перед глазами, по крайней мере будешь знать, с кем он, где он, а при случае – и прищучить девицу. Если только и впрямь «себя помнит»...

Слишком уж самостоятельный отпрыск усмехнулся.

– Матушка, конечно, для меня.

Но глаза при этом оставались суровые. Строгие. Значит...

Домоправительница сдержала вздох облегчения. Кружит. Не для себя берёт. По службе, причём иной, тайной, связанной с её вторым ненаглядным мальчиком Жилем... Ну, в эти дела она не встречается, надо – значит надо.

Одно плохо: теперь не будешь знать, с кем и где пропадает её синеглазый, по которому все девки сохнут, от горничных до садовниц. На стороне-то за ним не углядишь!

...Капитан Винсент шёл по галереям Гайярда в самом радужном настроении, коего не могли омрачить ни хмурый Максимилиан Фуке, выходящий из кабинета его светлости и раскланявшийся с какой-то непонятной враждебностью, ни осознание того, что впереди – очередные расспросы и словесные тенета Большой политики; старый вояка, каковым он себя считал, не любил ни того, ни другого... Главное – обеспечен ещё один тычок в сиденье слишком уж зарвавшейся империи: в Гайярд окольными (вроде бы) путями проберётся малышка Аннет, глаза и уши бриттского посла (как он сам думает). Вот если бы вдобавок ко всему уговорить Суммира ибн Халлаха не сразу уезжать в Роан, а погостить здесь, под... под присмотром, чтобы не попал в лапы бриттов, не зря они его ещё в порту пытались переманить. С Жилем всё оговорено, матушке и дворецкому распоряжение о подготовке комнат дано, у него, Винсента, остаётся ещё чуть более получаса, чтобы ознакомиться с последними данными о восточном госте... Молодец этот малыш Бомарше, умеет сортировать сведения и выбирать главное. Записи он просмотрит в карете. А заодно и продумает, как увести разговор в сторону от него самого, Модильяни, ибо чересчур расчётливый блеск в очах господина Суммира, явственно проявившийся к концу последней беседы, слишком уж напоминал *особый*, появляющийся у ненаглядной матушки всякий раз при попытках расписать очередную невесту.

Однако сам вариант устройства судьбы купеческой дочери, молодой и богатой вдовушки, лакомого кусочка для многих женихов, так и просился к осмыслению. Будущий тесть – друг детства самого солнцеликого Баязда, вхожий к султану в любое время, имеющий прочные связи и авторитет в торговых домах Константинополя, Венеции, Севильи... и даже, говорят, однажды побывавшего в далёкой Чайной стране и ещё более далёком Индустане. Такими связями не бросаются. К тому же хватит и того, что едва не разгорелась война между двумя державами из-за элементарного недогляда за судебными делами. И ведь как-то вышел на эту семейку толстяк Гордон, докопался...

Чело капитана всё-таки омрачилось.

Придётся срочно подбирать жениха для красавицы Фотины-Фатимы. Иначе, глядишь, месяц-другой – и ляжет на её дом, а главное – на чудесные виноградники и земли в самом центре Галлии загребущая рука какого-нибудь смазливового милорда. Надо посоветоваться с Фуке... Винсент, не сдержавшись, ухмыльнулся. А может, его же и сосватать. У секретаря светлейшего нет, к сожалению, матушки, которая бы позаботилась о судьбе до сих пор холостого сыночка, а партия, как ни крути, великолепная.

– Прошу извинить, сударь...

Винсент Модильяни, собиравший было шагнуть в гостеприимно распахнутые ворота османского посольства, с удивлением обернулся. Стражники, хмуро покосившись на невесту откуда взявшегося просителя, перекрестили ятаганы, загородив проход и явственно давая понять, что для всех прочих, кроме этого высокого синеглазого господина, наделённого высочайшими полномочиями, путь на островок Великой империи закрыт.

Беглого взгляда на субтильного юношу капитану оказалось недостаточно, чтобы составить определённое мнение: слишком уж необычен был незнакомец, задрапированный в длинную, не какую-нибудь, а медикусовскую мантию. О принадлежности к врачебному племени недвусмысленно сообщал и значок гильдии лекарей города Роана, держащий пёрышко цапли на скромном бархатном берете, и небольшая котомка с запасом трав и основных инструментов – обязательная принадлежность уважающего себя врача, не снимающего данный аксессуар с

пояса, даже идучи в гости или на собственную свадьбу. Знаки так и кричали, что перед капитаном рейтаров – выдавший виды опытный врач, возможно, даже с докторской степенью, ибо *долгополую* мантию разрешалось носить не иначе, чем после сдачи, и весьма удовлетворительной, экзаменов на сложнейшие операции, такие, как грыжесечение, камнесечение и даже крайне опасное чревосечение. Мастера такого рода не унижались до простейших действий, отданных на откуп брадобреям и цирюльникам, вроде пускания крови или дёрганья зубов, и были вхожи в самые знатные семейства.

Вот только изрядно потрёпанный берет с эмблемой гильдии сидел на голове совсем молоденького юноши, побледневшего от волнения, но изрядно хорохорившегося. Глазищи, кажущиеся ещё больше на осунувшемся личике, сверкали воинственно, словно молодой человек сам себя заранее настроил на героический поступок, и даже испугавшись в последний момент, не мог остановиться. Рука в чересчур большой для хрупкой кисти перчатке судорожно вцепилась в заветный мешочек с инструментами.

Где-то Винсент его видел. Причём совсем недавно.

Заинтересовавшись, капитан дал отмашку, дабы успокоить напрягшегося кучера и лакеев на запятках герцогской кареты. Мол, всё в порядке, угрозы нет, разберусь как-нибудь.

– Слушаю вас, сударь, – произнёс благожелательно. Ещё раз отметил про себя: гильдия города Роана... И вспомнил. Не далее как вчера эти глазищи мелькнули пару раз в толпе присутствующей на суде публики. Так-так. Уж не это ли – молодое светило от медицины, приглашённое, очевидно, на печально закончившийся обед у Россильоне? Позвали, скорее всего, в качестве одного из почётных гостей, поскольку врачи, наблюдающие за деликатным положением знатной дамы, окружаются в семье почётом и уважением. И случайно... да, будем надеяться, случайно оказался свидетелем смерти хозяина дома. Интуиция капитана сделала стойку не хуже бриттского мастиффа. Отчего бы не приветить свидетеля преступления, если это и впрямь он? Узнать подробности не из бумаг, а вживую куда как предпочтительней; в приватной беседе выявляются иногда такие детали, которых не отыщешь в протоколе. К тому же теперь не надо ехать в Роан, как уже собирался капитан, поскольку вот она, интересующая его персона и, судя по всему, убежать не собирается, а напротив...

– Мне очень нужно сюда попасть, – выпалил юноша. – Я сам нездешний, из Роана...

«Это я уже понял».

– Простите великодушно, – переведя дух, он заалел, как маков цвет. Дёрнул рукой, машинально собираясь оттереть капельки пота над чуть заметными усиками, и смутился ещё больше. – Я не представился... Докторус Вайсман, Поль-Антуан-Мари Вайсман, к вашим услугам. Узнал, что здесь остановилась моя подопечная, госпожа Россильоне, а мне просто необходимо её увидеть. Понимаете, я же всё-таки взялся её курировать, мой долг – довести наблюдение за пациенткой до конца, а она две недели содержалась в таких ужасных условиях, в тюрьме... Сударь, простите мою дерзость, но я видел вас вчера на суде. Вы приняли в госпоже Фотине такое участие, что я подумал: вот человек, который не откажется помочь ей и далее! Вам стоит всего лишь сказать – и меня пропустят.

– А без меня никак? – серьёзно уточнил капитан. Чем-то молодой человек ему понравился.

– Никак. Я ведь не собирался сюда ехать, рекомендательных писем никаких, и личность-то мою удостоверить некому...

Он совсем стушевался, очевидно, представив вдруг во всей красе нелепость своей просьбы. Опустил голову.

– Простите. Вы правы, это... должно быть, смешно подойти вот так...

Винсент выдержал паузу.

Как поведёт себя юноша? Падёт духом, отползёт в сторону или ринется на штурм?

Последующая реакция ему пришлась по душе.

– Ей нужна помощь, – выдал молоденький врач холодно, словно и не он тут секунду назад беспомощно блял. – Нервное расстройство после пережитых испытаний может сказаться на беременной женщине куда сильнее, чем сами испытания. Мой долг – быть рядом.

– Да вы с ума сошли, молодой человек, – сказал капитан благожелательно. – Вы хоть понимаете, куда суёте голову? Допустим, я вас проведу; но что дальше? – Не меняя тона, разъяснил, как годовалому младенцу: – Вы всерьёз полагаете, что вас допустят на женскую половину посольства? На *женскую*? Незнакомого мужчину цветущего возраста, личность которого никто не может подтвердить, за которого некому поручиться, да к тому же иноверца! У меня есть основания полагать, что... Н-да. Допустим, живым вы отсюда уйдёте, но пробудете таким недолго.

– Позвольте! – Молодой человек растерянно заморгал. – Но ведь госпожа Россильоне теперь добрая христианка, и ей вовсе не обязательно подчиняться нелепым правилам другой страны!

– Под крышей посольства она – на территории Османской империи, мэтр... Вейсман, так?

– Вайсман, – чуть слышно поправил юноша. – И неужели ничего нельзя сделать?

– Вы, часом, не несчастный влюблённый? – вроде бы шутливо поинтересовался капитан. Но по тому, как просто до неприличия побагровел собеседник, понял: ошибся.

– Я врач! – в запале крикнул Поль-Мари, и голос его зазвенел. – Это мой долг, понимаете? – И добавил сдержанней: – У матери госпожи Фотины первые две беременности были неудачны, а довольно часто дочери могут страдать тем же – из-за схожего строения родовых путей. Впрочем, что вам объяснять, всё равно не поймёте... Клятва врача – это на всю жизнь, и не по долгу, а по совести.

Как бы невзначай капитан положил руку на эфес шпаги. Судорожно сглотнув, молодой человек умолк, но не бросился в бега и даже не попятился. А лишь сделал небольшой шагок в сторону.

– Рекомендательных писем у вас нет, – напомнил капитан безжалостно. – А на что вы, собственно, надеялись? У вас есть при себе хоть какое-то подтверждение личности, звания? Не считайте меня таким уж невеждой, моих скудных познаний хватает на то, чтобы понять: докторская степень в вашем возрасте – это... – Выразительно развёл руками.

Вздохнув, тот, кто называл себя Полем Вайсманом, извлёк из-за пазухи небольшой футлярчик скругленной формы, вроде тех, в которых зодчие прячут свёрнутые в рулон рисунки, только гораздо меньше. Ловко вытряхнул скрученный пергамент, и жест этот был заученным, отработанным, словно не в первый раз владельцу документа приходилось его демонстрировать.

Ну, надо же... Свидетельство о присвоении звания доктора медицинских наук выпускнику Сорбоннского университета...

«Однако!» – только и сказал мысленно капитан...

... а до этого – Салернской медицинской школы...

«Однако...»

Что-то не сходилось.

– Сколько вам лет? – спросил сурово. Или перед ним ловкий обманщик, выкравший чужое свидетельство, или... гений?

– Двадцать три года, – ответил молодой человек как-то обречённо. – Я... Просто я всегда так выгляжу... молодо.

– Допустим. Но университетское образование – это восемь–десять лет обучения!

– Я окончил школу в Салерно, когда мне было пятнадцать. Сорбонну – в девятнадцать. И тогда же получил степень. У меня к тому времени была хорошая практика. В нашей семье все – потомственные лекари, было у кого учиться.

Винсент Модильяни ещё раз пересмотрел документ, особенно подпись, стоявшую во главе Учёного Совета, принявшего решение о присвоении степени юному дарованию.

Очень знакомую подпись.

Трактат «О методах лечения ран, применяемых мушкетными пулями, и о вреде прижигания при лечении оных» с дарственной надписью автора занимал почётное место среди раритетов в библиотеке герцога Эстрейского. А сам автор, несмотря на то, что до сих пор здравствовал, уже обессмертил своё имя в медицине.

– Кем вам придется мэтр Амбруаз Парре?

– Дядей, – сквозь зубы и неохотно процедил юноша. Впрочем, двадцать три года – далеко не юношеский возраст, но на вид носителю докторской мантии можно было с большой натяжкой дать семнадцать-восемнадцать. – Брат моей матери.

Это меняло дело. Очень даже меняло. Конечно, отчасти допрос был устроен капитаном больше для порядка, чтобы и в самом деле удостовериться, что перед ним тот, за кого себя выдаёт. Гильдии не разбрасываются эмблемами направо и налево, к тому же – и об этой детали мало кто знал – на именные жетоны с изображением чаши и змеи накрадывалось особое заклятье, не позволяющее серебряной пластине сменить владельца. Её нельзя было ни украсть, ни отобрать. А уж вручалась она только после тщательного изучения соответствия кандидата его профессиональным навыкам и мастерству. Каков бы ни был возраст носителя одного значка – по недоразумению или злому умыслу нацепить его он не мог. Только заслуженно. Родство же со знаменитым Парре, живой легендой современной хирургии, объясняло многое. Амбруаз был не просто первой звездой на небосклоне прогрессивной медицины, а наиярчайшей в целой россыпи родственников ему светил. Что ж, познакомиться с ещё одним представителем этого семейства будет интересно.

– Жюстен, – не поворачивая головы, окликнул капитан одного из лакеев. Поль Вайсман заметно напрягся, но Модильяни уже протягивал ему свиток, и молодой человек с облегчением схватил драгоценный документ. – Жюстен, мэтр Вайсман едет с нами. Устрой его в карете, пусть подождёт и отдохнёт. Запаситесь терпением, господин доктор. Его светлость герцог изволил пригласить господина Суммира с дочерью погостить в Гайярде, а от подобных приглашений не отказываются, так что в скором времени вы получите возможность увидеться с вашей подопечной, – с разрешения её почтенного родителя, предупреждаю! Ждите меня здесь.

Блаженная улыбка докторуса привела капитана в лёгкое замешательство. Полно, неужели можно так радоваться возможности исполнения врачебного долга? Скорее всего, перед ним и впрямь влюблённый...

Или всё-таки фанатик своего дела. Таковые встречаются, хоть и редко.

– Не спешите радоваться, сударь, – осадил с напускной суровостью в голосе. – В конце концов, один человек, несомненно могущий засвидетельствовать здесь вашу личность, есть. Если госпожа Россильоне подтвердит, что вы это вы, ваше счастье, а нет – придётся мне принять соответствующие меры.

Поль Вайсман обрадованно закивал. Он был согласен на всё. Взглядом, полным обожения, проводил статную фигуру своего невольного благодетеля и вздрогнул, заметив только сейчас бесшумно подошедшего лакея.

– Где изволили остановиться, сударь? Его милость предупредил, что пробудет здесь не менее часа, потому успеем, ежели что, послать кого за вашими вещичками.

– Да зачем же... – Молоденький докторус растерялся. – Я, право...

От бдительного взгляда слуги не скрылась ни лёгкая помятость мантии, ни пятна дорожной грязи; да и сапоги молодого врача, хоть и добротные, но всё ещё были покрыты налётом жёлтой пыли роанских дорог. Тени, залёгшие под глазами, намекали на бессонную ночь. У наблюдательного капитана и штат был приучен наблюдать, и многие головы в своё время остались на плечах только благодаря выучке, вбиваемой иногда оплеухами.

– Пока нигде, – признался Поль Вайсман. – Не беспокойтесь, я привык работать в разных условиях. Мне бы только... Позвольте на облучке посидеть? Я с утра на ногах.

«И не с утра, а, поди, полночи по Эстре шлялся, ночлег искал, – подумал лакей. – Эка вам, сударь, приспичило с просьбами-то лезть. Обходительный какой, сразу видно – из благородных. У лекаришек с дипломами, что из грязи в князи – форсу немерено, а этот...» Вслух же добавил:

– Зачем же на облучке, по простому-то?

Распахнул дверцу кареты.

– Коли хозяин приказал ждать – ждите на здоровье тут, в тепле да мягкости. А будете на ветру кости морозить – нам из-за вас достанется, как пить дать, – добавил, пресекая готовые сорваться с докторских губ возражения. – Садитесь, не робейте, чего уж там.

– Ну, если только чтобы вам не влетело...

Юноша поднялся по откидным ступенькам и с благоговением опустился на сиденье, обтянутое бархатом.

По тому, как легко и изящно он подсел в карету, наблюдательный слуга без труда опознал в нём *господина*, белую кость, голубую кровь и только головой покачал, утвердившись в своих догадках. Да, из благородных... Может, папаша разорился, вот и пришлось сынку в работу идти, всяко бывает. Устроившись на запятках, глянул в заднее окошко. И увидел, как, стянув зубами перчатку, лекарь с недоверием на лице гладит бархатную обивку, потом неожиданно хватает диванную подушку, расшитую шелками, и прижимает к груди, как будто самого дорогого человека. Ишь, истосковался-то малый по красивым вещам...

А молоденький доктор, не подозревая о тайном наблюдении, глубоко вздохнул и, ткнувшись в подушки, моментально забылся сном. Видать, и впрямь полночи шатался в поисках приюта...

Разбудило его осторожное прикосновение к плечу всё того же слуги.

– Просыпайтесь, сударь. Что-то в посольстве засуетились, забежали, не иначе господин Модильяни сейчас с гостями заявится.

– Кто?

Очумевший от сна докторёнок помотал головой, словно вытряхивая остатки сонной одури, и уставился на лакея ошалелыми глазами.

– Господин Винсент Модильяни, капитан герцогских рейтаров, помощник его светлости. И-и, сударь, вы что же, сами не знали, к кому с просьбой сунулись?

– Да я... – Поль Вайсман сконфуженно потёр нос. – Как-то... Смотрю – подъехал к посольству, войти собирается. Дай, думаю, попрошусь, он, судя по всему, вельможа знатный, вон в какой карете, с ним пропустят. И лицо доброе, такой не откажет...

Доброе, как же... Слуга подавил смешок.

– Извольте здесь подождать или выйдете?

– Уже выхожу. – Молодой человек шлёпнул себя по щекам несколько раз, для чего-то энергично потёр уши и вскочил. Ростом он был невысок, а потому о потолок кареты не приложился, а вот тому же капитану, да и светлейшему приходилось беречь головы... И опять старый Жюстен отметил, с какой ловкостью доктор выпорхнул из кареты, словно заправский дворянчик, даже игнорируя его руку, хоть при выходе и кавалерам не зазорно было принять помощь слуги – да хотя бы опереться на его плечо, потому как две ступеньки, да на весу, а если ещё и утомлённому до этого дорожной тряской – немудрено и сковырнуться...

Раззолоченный портшез они увидели не сразу, ибо тот вынырнул из-за дальнего крыла здания – там, скорее всего, и находилась пресловутая женская половина, на которую, по словам известного всей Галлии грозного Модильяни (юноша поёжился) посторонних мужчин не пускают. Носилки легко как пёрышко, несли аж восемь арапов в ярко-пёстрых одеждах, в тюр-

банах, с ятаганами за поясом. Проводы госпоже Фатиме были устроены знатные, как почётной гостье, с почётным эскортом.

– А вот и *наши* припожаловал, – слуга кивнул на распахивающиеся двери парадного входа в посольство. – Ишь, даром что грозен – этикет блюдёт. Положено на территорию Османии каретам с неверными не заезжать – он, значит, не заезжает, из уважения, хоть и морщится каждый раз. Вчерась-то, чтобы турчанку с папашей провести, таки въехал, и ничего, нехристи утёрлись, как своих не пропустить? А сегодня, вишь, остановился тут. Дабы... – Жюстен наставительно поднял палец: – Дипломатический скандал иначе!

– Да-да, я понял, – кивнул Вайсман, взглядываясь в боковую процессию и едва не переминаясь с ноги на ногу от нетерпения. – Глупо это всё, но что поделать – политика, приходится считаться... А вы что же, и вчера сопровождали господина Модильяни? Вы госпожу Фотину видели? Как она?

– Да особо и не заметил, сударь. Что там разберёшь, когда она, словно куль, в хламиду какою-то замотана. Вы уж простите.

– Жаль... Ничего, скоро всё узнаю. Что ж так медленно-то!

– Для торжественности момента, сударь. Османцы – они народ неторопливый, любят, чтобы всё чинно-политично, да с блеском и шиком, чтобы, значит, богатством прямо в глаза изумить. Да впрочем, они одни, что ли? У бриттов тако же всё в позолоте, ажно парики стали не так давно золотой пудрой присыпать, смех один. Вот мадридцы – те поскромней, все в чёрном, цветной нитки на них не найдёшь, и хмурые, суровые, зато в камнях все: и в перстнях, и в орденах. Воротники у них чудные, ей-богу, словно мельничные жернова на шею нацепили.

Молодой человек невольно заинтересовался:

– Это сколько всего вы повидали-то, сударь... Жюстен, да? А я думал – у вас работа такая, что стой на месте, как привязанный!

– Иногда и стоим, да глядеть-то во все стороны никто не запрещает. А когда приходится и с поручениями побегать, тут уж от своего брата лакея много чего узнаешь помимо того, за чем послали.

– И у московитов были?

– И у московитов, и у болгар, и у эльфов-средиземноморцев. Даже к Некрополису однажды подъезжали. Но туда – врать не буду – не попали.

– А что так?

– А туда вроде как в этот самый гарем – не пускают. Все переговоры только за стенами снаружи. И не прорвёшься. – Слуга посуровел лицом, вытянул руки по швам. – Однако, сударь, – шепнул, – всё, я молчок. Идут.

Кинув взгляд на приближающуюся процессию, молодой человек превратился в слух и внимание. Ему, судя по всему, было плевать, что посол блистательного Константинополя лично и пешком провожает чужеземного высокого гостя и своего уважаемого соотечественника до самых ворот, причём делает это в окружении секретариата и ближайших соратников, дабы выразить безграничное почтение. Доктора более всего интересовал портшез и тот, кто внутри. Как так получилось, никто не понял, но только юноша оказался перед носилками одновременно с капитаном Винсентом.

Но поскольку к тому моменту чернокожие носильщики переступили невидимую пограничную черту, проступок молодого человека остался без леденящих душу последствий. Хотя протестующе и, одновременно, с негодованием вскинулись и Омар Юсуф ибн Шайриф, и почтеннейший Суммир, а господин Модильяни недовольно поморщился. Тем не менее, чтобы не толкаться на виду у всех и сохранить достоинство (а заодно и поверить кое-какие догадки) – отступил, предоставив, вполне цивилизованно, право доктору встретить свою подопечную первым.

– Ох, господин Поль! Хвала Аллаху и Пресвятой Богородице! – как-то невпопад воззвала к высшим силам бедная госпожа Россильоне. Если бы не бледное, измученное лицо – невозможно было бы узнать в этой пышно одетой даме вчерашнюю несчастную узницу. – Неужели это вы? Какое счастье!

Молодой человек ловко подал ей руку, почти выдернул из портшеза и... так и вцепился в запястье.

– Немыслимо! – побагровев, возопил было, растеряв солидность, господин посол, но вдруг осёкся, заметив отрешённый, отнюдь не пылающий вожелением взгляд юноши. – Немыслимо, – повторил как-то задумчиво. И переглянулся с почтенным купцом.

– Да-да, друг мой, тем не менее, – шепнул тот, переходя на родной язык. – Вы тоже узнали этот приём?

– Как не узнать, если однажды целых полгода меня лечил от страшной болезни сам Шефедрадин Сабунчоглу, звезда лучшей больницы Амасье, а затем и столицы! А вы, уважаемый? Вы тоже видели этот захват пульса?

– Да, пришлось не к месту захворать, будучи в гостях у брата в Бурсе, а он весьма дружен с самим Ширванлы, учеником великого Аслан-бея, и в то время как раз курировал местную больницу; вы ведь знаете, уважаемый, с каким вниманием наш солнцеликий владыка, да преумножит Всевышний года его благополучного царствования, относится к врачам, особенно пишущим книги и передающим свои знания новым поколениям! Именно Ширванла брал пациентов за руку вот таким же образом и словно впадал в кратковременное оцепенение, и ему не надо было спрашивать о симптомах, он будто считывал...

– Рубцы от бичевания воспалились, – расстроено сказал молодой человек. – Ничего удивительного... Промывали травяным отваром с добавкой макового, но просто сняли боль, а воспалительный процесс уже начался... Не беда. Госпожа Фотина, я составлю хорошую мазь, и недели через две всё затянется, не волнуйтесь.

– А малыш? – Женщина задрожала. – Как он?

– А мой внук? – нетерпеливо подался вперёд благородный купец.

Доктор глянул на него в недоумении, словно только что увидел. Пошевелил пальцами, всё ещё лежащими на запястье пациентки, ещё раз коснулся пульсирующей жилки.

– Угрозы младенцу нет. Пока нет. Мой долг сообщить, что госпожа Фотина нуждается в полном покое, отдыхе и хорошем уходе. Вы сами знаете, какое сильнейшее потрясение она пережила, и теперь ей нужно время прийти в себя и окрепнуть.

– Так, может... в Роан? – поколебавшись, предложил старик. – Родной дом, воспоминания о супруге...

Женщина содрогнулась.

– Нет, только не это! Батюшка, стоит мне подумать об этом доме – и каждый раз я словно наяву вижу, как умирает муж, а его брат делает мне отвратительные предложения! Нет!

– К тому же длительная дорога вам сейчас противопоказана, – твёрдо заявил Вайсман.

Капитан Модильяни решил, что пришёл, наконец, его черёд вмешаться.

– Господа, я, собственно, не понимаю ваших колебаний. Ведь я передал господину Суммиру и его дочери приглашение от его светлости, так чего же вам ещё? Тишина и покой, уход и забота... Его светлость не менее вашего заинтересован в благополучии и обустройстве дальнейшей судьбы госпожи Фотины. А потому, – капитан сделал в сторону кареты приглашающий жест, – прошу вас.

Купец воздел руки к небу и собирался, по-видимому, разразиться благодарственной тирадой, но наученный горьким опытом капитан, зная, что проще остановить стрелу в полёте, чем разошедшегося в приступе красноречия сына Востока, поспешно повторил:

– Прошу, уважаемый Суммир ибн Халлах и вы, госпожа Россильоне!

И тут уже достаточно жёстко оттеснил молодого человека, сам предложив руку измученной женщине, которая опёрлась на неё с благодарностью, ибо, судя по всему, изрядно ослабела, а хрупкий доктор вряд ли удержал бы упавшее во внезапный обморок тело. Она была на пределе сил, и, обеспокоенно глянув ей в лицо, капитан мысленно согласился с недавними словами Поля Вайсмана о том, что время, когда испытания закончены, может оказаться для несчастной куда тяжелее.

Сопровождая едва передвигающую ноги Фотину к карете, он через плечо окликнул потерявшегося докторёнка.

– Где и как вы собираетесь делать свою чудодейственную мазь, мэтр Вайсман?

Юноша радостно встрепенулся.

– Здесь хорошая аптека на улице святой Урсулы. Я часто оттуда выписываю компоненты и даже готовые составы, и сейчас собирался обратиться именно к ним. Но как мне потом передать... или увидеть... – Он смешался. – Меня пустят?

– В Гайярд?

Следуя выразительному взгляду капитана, два лакея осторожно на руках подняли и усадили даму в карету, стараясь не причинить ни малейшего неудобства. Винсент кивнул с одобрением. Выжидая, пока отец устроится рядом с дочерью, прикинул кое-что в уме.

– В Гайярд... Знаете, мэтр Вайсман, я бы удивился, если бы та часть кареты, в которой будете находиться вы, вдруг отпала – и осталась вместе с вами за подъёмным мостом, а мы бы въехали без вас... Что вы на меня так смотрите? Садитесь-садитесь. Это же вы, а не я, наблюдаете за своей пациенткой, назначили ей лечение и режим; вам и отвечать за последствия. Посмотрим, насколько вы оправдываете свой диплом.

Доктор вспыхнул от радости, пропустив мимо ушей намёк на недоверие.

– Тогда по дороге и заедем к аптекарю! Здесь недалеко!

«О драгоценнейший и венценосный друг мой, солнцеликий и справедливейший, надежда и опора моего сердца и в родном краю, и здесь, вдали от благословенной отчизны! Не доверяя ненадёжной голубиной почте, да и опасаясь, что летуны, отправленные в вашу голубятню, могут быть перехвачены и распотрошены недругами в поисках тайных посланий, излагаю мысли сии на страницах своего дневника, дабы затем, если Всемилостивейший и Всемилосердный позволит состояться нашей встрече, не упустить ничего из удивительных событий, происходящих в последнее время. Я-то, ничтожный, думал, что седая голова – залог спокойной и несуетной старости, и ничего странного, не сказать более – сказочного и необычайного – в моей жизни уже не случится. Да и смешно грезить в моём возрасте о приключениях и подвигах, хотя, надо признаться, в молодости я не раз направлял свои корабли в неизвестные дали, памятуя, что в пра-пра-прадедах моих было несколько Синдбадов – мир с ними со всеми! – и уж один или два из них точно нашептали на ушко известной юной царице не единственный рассказ о своих странствиях... Но полно, кажется, я отвлёкся».

Суммир отложил пёрышко на специальную подставку. Полюбовался на медленно высыхающие, теряющие блеск по мере впитывания в плотную желтоватую бумагу, чернила. Фиолетовые, отметил с удовольствием. Сословия проще использовали здесь для письма, как и у него на родине, смесь сажи с каким-то дрянным пахучим веществом или же разведённый в воде и вине порошок «чернильного орешка». Но в сказочном дворце его светлости герцога Эстрейского в ходу были драгоценные чернила из вытяжки желез каракатицы, сдобренной специальным составом, позволяющим лучше впитываться и в бумагу, и в пергамент, а также храниться долго, не обесцвечиваясь. Здесь, в этом дворце, всё было лучшее. Совсем как у его венценосного друга. И правильно. Хозяин страны этого достоин.

Купец прикрыл глаза, вспоминая прожитый день. Да, всё надо расписать обстоятельно. Ему уже приходилось отчитываться после дальних поездок: Баязед любил выслушивать ново-

сти из первых уст, и не от подобострастных доносчиков и министров, а от людей непредвзятых, тех немногих, которые до сих пор помнят связующие узы дружбы и могут сказать правду в глаза, пусть и дерзко, но высокой цели ради. Да и хорошую добрую историю властитель был не прочь послушать, особенно ежели та тянулась медленно, неторопливо, под одну из его частых бессонниц. Оттого-то и вошло у почтенного купца в привычку: по прошествии дня запечатлевать главные события на бумаге, иногда и не очень важные, но достойные внимания. Ибо даже такие мелочи, как странные обычаи вроде того, что галлы обязательно заканчивают трапезу не фруктами, а сыром; что скрещивают пальцы за спиной от сглаза; и что петух у них кричит не «Кук-кур-ре-ку-у!», а «Ко-ко-ко-ре-ко!», могли развлечь благодарного слушателя-монарха.

Лишь одного не позволял себе упоминать умудрённый жизнью торговый человек: имён. Из подтекста, конечно, да ещё и зная о каких-то определённых событиях, опытному мужу нетрудно догадаться, кого именно подразумевает в том или ином случае почтеннейший, но с догадок спрос невелик. А потому – небольшая книжечка с золотым обрезом в переплёте из мягкой телячьей кожи хранила сведения ничуть не хуже, чем занесённый песком сундук с сокровищами на морском дне.

«...и встретил я, наконец, ту, что и не мыслил узреть хотя бы издали – прекрасную златовласую пери, кротким нравом и удивительнейшим целомудрием умиротворяющую сердца самых свирепых львов и драконов. Увидев меня, она широко открыла дивные очи и оборотила взор к своей наставнице, ещё одной жемчужине гарема... Прости, венценосный, но ты удивишься и будешь смеяться, узнав, что «гаремом» галлы считают только малый уголок женской половины дома, где содержатся жёны и наложницы, и совсем забывают, что в одной половине живут и родственницы, и прислуга женского пола, и даже мальчики до известного возраста... Ещё одной жемчужиной, не покривив душой, я назвал бы почтенную наставницу златокудрой пери, дальнюю родственницу светлейшего владыки, обучающую премудростям и тонкостям светского этикета, а также житейской мудрости ту, которая в результате козней недругов вынуждена была несколько лет находиться вдали от законного супруга. Немного терпения, мой повелитель, и позже я изложу эту занимательнейшую и трогательную историю подробно. Глядя на сию добрую наставницу, отмеченную, несмотря на вдовство и некоторые года, зрелой красотой, полнотой и совершенством, я впервые после кончины моей несравненной и единственной – ты знаешь! – супруги вздохнул полной грудью, подумав: раз уж Всевышний позволяет мне не только зреть, но и оценивать по достоинству женскую красоту, то, может, для убелённого сединами старца ещё не всё закончено. Как знать, вдруг и меня где-то дожидается любящее сердце, ибо, как сказал однажды великий Омар,

*Взгляни на старый дуб, что бурей разбит,
Увял и пожелтел гранат его ланит,
Но вокруг него лоза с любовью заплетётся.
И зеленью своей согреет и пленит.²*

Вздохнув, Суммир подумал: а не слишком ли интимный разговор у него получается не только с самим собой, но и, возможно, с венценосным, пусть и незримым пока собеседником? Но... друг есть друг. Не пристало скрывать от него даже потаённые уголки души. И потом, это всего лишь мысли, не так ли?

В конце концов, мелькнуло в голове, я вдовец, почтеннейшая госпожа Доротея вдовица...

Нет-нет. Не говоря уж о том, что он до сих пор верен памяти прекрасной Гюльчатай, сама мысль о том, чтобы жениться в его-то годах, неуместна. Только людей смешить. Впрочем,

² Авторская перефразировка четверостишия Омара Хайяма: *Я – словно старый дуб, что бурей разбит; Увял и пожелтел гранат моих ланит, Все естество мое – колонны, стены, кровля, – Развалиною став, о смерти говорит*

Селим Сияющий, отец его солнцеликого друга, и на восьмом десятке жизни имел не менее семидесяти наложниц, и те, говорят, страшно интриговали, дабы попасть на его ложе. Ему же, Суммиру, пошёл лишь пятьдесят первый год, и не такая уж седая у него борода, пока ещё рано её подкрашивать хной, как это делают многие перезрелые щёголи.

Но нет, не отпустит его светлость от себя... гхм, вернее, от своей пери такую наставницу-подругу... Спросить бы, нет ли у неё старшей сестры, тоже красавицы, пусть и в возрасте, с такими же чудными льняными волосами, как у самых дорогих дев, привозимых янычарами из дальних северных стран?

Как она сердито сверкнула глазами, когда бедняжка Фатима, побледнев, заплакала и сказала, что ни за что не согласится, чтобы хоть чьи-то руки к ней прикасались после рук палача! Прекрасная наставница выхватила из рук опешившего доктора-юнца баночку с целебной мазью и в изысканных, правда, не совсем понятных выражениях попросила выйти вон всех, ибо они с госпожой прекрасно справятся сами. Удивительнейшая, добрейшая женщина, это ведь она подготовила для его дочери чудеснейшие покои. Ах, нет, не только она, здесь есть и начальница гарема синеглазая госпожа Аглая, кого-то так ему напоминающая. У неё под каблуком даже дворецкий, хоть и не похоже, чтобы он был евнухом.

А какой чудесный парк виден из окон! Златокудрая госпожа пери обещала Фатиме, что будет гулять с ней в этом парке каждый день и покажет все лучшие места, как только молодой доктор разрешит прогулки. Доброй госпоже, очевидно, не хватает подруг, ибо раньше, говорят, у *прежней* герцогини было несколько фрейлин, а потом их всех выпроводили из-за недоверия, а новых ещё не завели. Может, и к лучшему? Может, и впрямь, в гареме должна быть лишь одна жемчужина?

И весьма возможно, что в поисках собеседницы и понимающей слушательницы благородное сердце правительницы потянется к бедняжке Фатиме?

Суммир довольно прикрыл глаза.

Это мужчины бьются в баталиях и переговорах. Женская дружба живёт на иных небесах. О, это нечто удивительное, способное одной улыбкой или сломанным каблукочком двинуть под откос всю большую политику, развязать войну или же, напротив, остановить кровопролитие. Переделать карту мира, держа в своих ладонях сердца повелителей вселенных. Пусть мужчины играют в свои серьёзные игры, а женщины просто дружат.

И тогда мир между державами будет сохранён.

А чем отблагодарить златокудрую пери, Суммир уже понял. Ни золотом, ни серебром, ни драгоценностями, кои померкнут от её красоты, нет. Лишь деяниями, достойными её деяний.

И, обмакнув в чернила перо, начертал на чистой странице:

*В жарких битвах героев, в пылу страшных сеч
Побеждают порой не копьё и не меч,
А прелестнейший взгляд благороднейшей девы,
Не огнём, а любовью сумевший ожечь...³*

³ Стихи автора, стилизация под рубаи.

Глава 4

Опустившись на любимый пенёк посреди пустой – совсем пустой – поляны дикого парка, Марта горько всхлипывала.

Давно уже она не давала волю слезам, разве что неделю назад, когда затосковала по своим. Но тогда её утешил Жиль, а сейчас ни посетовать, ни припасть к чьей-то груди за утешением не представлялось возможным, ибо её дракон запретил говорить о себе кому-либо. Она так редко с ним виделась, а теперь он и вовсе пропал. Всё-таки улетел! Без неё, хоть и обещал взять с собой, полетать... У-у-у...

Но даже не в том дело, что не взял. Иное страшно: вдруг с ним что-то случилось? Например, не окрепли крылья, сил ещё не накопил, да мало ли... Присядет где на лугу – а тут какой-нибудь полоумный рыцарь как выскочит! А Арман уже ста-аренький...

От плача заломило в висках, но обида – не на дракона, а на себя, бестолковую, не давала успокоиться. Как же так? Лишь теперь стало ясно, насколько ей дорог новый Друг, большой, сильный, мудрый; а она, глупышка, так и не успела ему об этом сказать, только отшучивалась. Как же ей не хватает его снисходительного «Хм-м-м...», насмешливо-добродушного подтрунивания, строгих поучений, а главное – шипящего ласкового приветствия, каждый раз музыкой звучащего в ушах: «Приш-ш-шла, детёныш-ш-ш...»

Потёрся об ногу невесть откуда взявший Маркиз и затарахтел, заурчал, прося ласки и абсолютно не признавая горести момента.

– Думаешь, не всё так плохо? – вытерев мокрые щёки, нерешительно спросила Марта. Спohватившись, нашарила в потайном кармашке платок. – Может, он не навсегда пропал? Он меня не забудет?

Котья фыркнул, выгнувшея спиной умудрившись показать всё своё презрение к глупым девчачьим страхам. Поточил когти о пенёк, сдирая клочья старой коры, и Марте невольно пришлось подвинуться, освобождая место. Пошевелив усами, приняхавшись, чёрный разбойник запустил лапищу в приямок между корнями и выудил на свет божий какую-то вещичку. Негодующе затряс лапой: находка прицепилась к когтю.

Сердечко у Марты ёкнуло. Она поспешно отобрала у мохнатого приятеля скомканный клоч желтоватой бумаги, расправила, вытряхнув попутно несколько мурашей и земляных комочков, и разгладила на коленях. Не сразу ей удалось понять написанное: буквы, хоть и крупные, выведенные твёрдой рукой, явно привыкшей к подобному труду, прыгали перед глазами и упорно не желали читаться.

Наконец она справилась с волнением. Значки сложились в слова, до того тёплые, что Марту будто солнышком обогрело.

«Я вернусь, детёныш».

Всего-то три словечка, но каких!

На всякий случай она пробежала записку глазами ещё несколько раз. Заглянула на оборотную сторону, просмотрела мятый листок на свет – вдруг чего не заметила? Но нет, только это. Три слова, вмиг унявшие печаль. «Я вернусь, детёныш».

Значит, Арман о ней помнил! И, предчувствуя её огорчение, постарался утешить свою маленькую подружку!

Но как он смог оставить весточку? Не сам же нацарапал! Да и неоткуда на поляне взяться ни бумаге, ни чернилам... Приглядевшись к клочку, Марта поняла, что послание было начертано карандашом, твёрдым, и, должно быть, хорошо отточенным, поскольку рыхлый старый лист с бахромой по краям, будто выданный из книги или тетради, кое-где был промят грифелем чуть ли не до дыр. Значит, кто-то приходил сюда помимо неё и слуг, приносящих еду. По

словам Армана, те появлялись неслышно, когда он «с-с-спал», делали своё дело и также тихо исчезали. Вряд ли старый хитрец обратился за помощью к ним: буквы, будь они и в самом деле писаны лакеем, не выстраивались бы так ровно и аккуратно, словно начертанные не от руки, а пропечатанные в книжке. Нет, сюда заявился кто-то ещё, кому её друг доверял настолько, что рассказал о Марте и попросил о помощи.

Девушка стыдливо высморкалась. Ей уж скоро восемнадцать, почти старуха, а ведёт себя как малое дитя. Что уж так сразу кидаться в слёзы? Могут у человека оказаться какие-то дела или нет?.. У дракона, конечно, поправились мысленно, не у человека... Могут, вполне. В конце концов, он же мужчина, а мужчине не положено отчитываться перед женщиной, да ещё такой соплячкой. Но ведь вспомнил, позаботился...

Вздыхнула, смирившись.

Надолго ли он исчез? И когда? Записка не отсырела, но мураши успели в неё заползти, это да... А ведь если бы не Маркиз – так и затерялась бы. В порыве благодарности Марта подхватила на руки кота и прижала к груди. Если бы не он – ей так и мучиться от неизвестности! Сама она не догадалась бы пошарить под ногами, и добрая весть так и осталась бы меж старых корней, пока мыши-полёвки не устроили из мятой бумаги очередное гнездо. Ах, Маркиз, ты мой добрый... этот, как его... гений, да!

Вчера она не смогла сюда прийти, потому что вечер прошёл в обустройстве гостей. Для Марты подобные хлопоты были внове. Конечно, и без неё нашлось, кому позаботиться: матушка Аглая, оказывается, ещё с утра, после отъезда сына, захлопотала, нагнав прислугу в гостевые комнаты, коих в Гайярде было немало – целый этаж в отдельном крыле. Нужно было проветрить покои, смахнуть несуществующую пыль с мебели, перестелить постели, а главное – жарко протопить, ибо, как пояснил господин Винсент, их пожилой гость – с Востока, с весьма тёплых краёв, и наши чуть прохладные ночи могут показаться ему настоящей суровой зимой. А ещё, конечно, загодя назначили для гостя горничную, а для её почтенного батюшки – камердинера, из тех, что уже прислуживал заморским гостям и не терялся от всякой иноземной блажи, а исполнял всё, что ни прикажут, бестрепетно.

Так-то вот. Замок, да ещё и государя всей провинции – это вам не деревенский домишко, где, если останется на ночлег кто из родни; там-то всю голову сломаешь, думая, то ли на чердак гостей спать отправить, то ли в холодную летнюю половину: натаскать тюфяков, да пусть гости для тепла сами надышат... Тут-то, в герцогских покоях, как успела нашептать Гердочка, места на всех хватает с избытком, приезжие порой могут не видеть хозяина целыми днями, но ничего, не скучают, находят себе занятия... Только это как-то не по-людски, совсем-то к людям не выйти, рассудила Марта. Может, не слишком прилично интересоваться, как разместили господина купца, поскольку он всё-таки мужчина, и в комнаты к нему самой заглядывать ни к чему, но уж за его дочь ей, как хозяйке, нужно обязательно присмотреть. Хоть она, наверное, из благородных... Однако юная герцогиня хорошо помнила, каково это – очутиться в новом доме, где ничего и никого не знаешь, да ещё когда ты растеряна и порядком не в себе после пережитых ужасов.

Жиль ведь всё-всё рассказал про бедняжку Фатиму, ещё когда они возвращались из суда, а потом добавил, что пригласит её с отцом в Гайярд. «Тут ведь большая политика замешана, девочка, – сказал задумчиво. – Упустишь контроль – и османца перехватит бритт, и неизвестно, чем оно потом обернётся. Нет, пусть лучше у меня на глазах побудет. Отдохнёт, успокоится, и уж после этого никакой Гордон его не переубедит. Купец умный человек, выводы сделает правильные, а главное – поделится с ними со своим... своими друзьями... А дочь...»

Герцог поцеловал супругу в пушистую макушку. Драгоценная мантилья давно уже была сорвана и откинута куда-то прочь, в затемнённый уголок кареты, небрежно, без всякого почтения к кружевной вязи. Она мешала целоваться, покалывая щёки в самый неподходящий момент крохотными узелками плетений, а потому и отправилась в изгнание.

«Тут ведь ещё один интересный момент, милая. Тебе нужна подруга, или хотя бы собеседница, причём, из посторонних, ничего о тебе не знающих. Совсем скоро тебе придётся выходить в свет, пусть нечасто и ненадолго. Не бойся, голубка, я тебя не оставлю ни на минуту. Но ты будешь на виду у всех, и жаждущих перекинуться с тобой словечком окажется немало. Надо учиться общаться, и не просто с другими людьми из иных сословий – с подданными. Понимаешь? Начни с этой девушки. Она по возрасту ненамного старше, и вы в какой-то мере схожи: обе из разных миров, немало перенёвшие. Не думаю, чтобы она слишком часто выходила из мужниного дома, ей, наверное, и сейчас многое в Галлии в диковинку. Поэтому, если у тебя и будут какие-то промахи в поведении – она этого не заметит. А ты от неё можешь кое-чему научиться, ты девочка наблюдательная, умница».

Вроде бы Марта и помнила, что Фотина-Фатима – *подданная*, но когда увидела, как та узнаваемо ёжится под своим богатым платьем – будто шов чувствительно задевал рубец на портовой спине – растеряла всё ранее заготовленное величие и серьёзность. Лишь всплеснула руками и кинулась к молоденькому докторусу, который уже держал наготове баночку с пахучей мазью. Этой самой мазью они с Доротеей сами обработали раны Фатимы, очень уж воспалённые к тому времени. А доктор посматривал издалека и указывал. Морщился страдальчески, будто самому спину жгло, и всё цедил сквозь зубы: «Пропустили левый бок, ближе к пояснице, там ещё кровоподтёк, смажьте... Ягодица левая, рубец на рубце, в перехлёстье язвочка...» Может, и в самом деле его жгло. Вдруг он из тех кудесников, что на себе чужую боль чувствуют? Говорят, раньше были такие.

Ох, как много хотелось Марте рассказать старому дракону, как много...

И что Фатима оказалась такой чудесной, даром, что в шелках, а под шелками – такая же простая и застенчивая, как некоторые Мартины деревенские подружки. И глаза в пол опускает, особенно при мужчинах, но не от робости, а потому, что так положено, по их восточному *этикету*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.